

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

4-1
105 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА
64-199

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

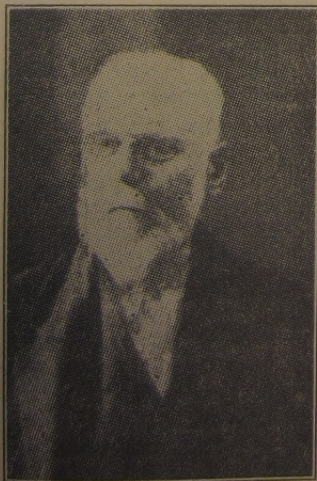
DETROIT, MICH.

№ 56—57.

МАРТ—АПРЕЛЬ 1935 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. 70-летний юбилей М. Неттлау. — М. НЕТТЛАУ. Пути и цели революции в понимании П. А. Кропоткина. — ЖАН ГРАВ. Гнилой строй. Лгуны. — АВТОНОМОВ. Какой должна быть Россия? — М. РУБЕЖАНИН. Древне-римские диктаторы и мы. — КОЛОКОЛЬЦЕВ. Национализм или антисемитизм? — К. Ф. ГОРИН. Угроза новой мировой войны. — Л. ЛИПОТКИН. Анархизм и колонизация. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. В чем сила анархистов? — А. БЕРЕЗНЯК. Осуществим-ли анархический идеал? — МАРК СТЕПНОЙ. Величайшее предательство. — Дж. РУДАШ. Посещение Америки П. А. Кропоткиным. — РЕЗОЛЮЦИЯ Русских Рабочих Организаций шт. Кеннедикут. — Мелкие заметки, сообщения и проч.

70-летний юбилей М. Неттлау

Выдающийся историк и теоретик анархизма, родился 30 апреля 1865 года в деревне, вблизи австрийской столицы Вены. Анархистом он стал еще в юношеском возрасте, в 1881—82 г.г., к которому времени относится поступление его в университет, оконченный им в 1886 г. М. Неттлау слушал лекции в знаменитом английском Оксфордском университете. В 1887 году Лейпцигский университет присудил ему степень доктора философии, по отделу сравнительной филологии.

М. Неттлау принимает участие в анархическом движении свыше 50 лет. Он является автором многих капитальных трудов по истории анархизма и пользуется международной известностью в анархических кругах.

С этим выпуском нашего журнала совпало 70-летие со дня рождения Макса Неттлау, хорошо известного в анархических кругах всего мира историка анархического движения.

Маститый юбиляр особенно хорошо известен читателям «Пробуждения», постоянным сотрудником которого он является уже в продолжение многих лет.

Нечего говорить о том, что серьезные, глубоко продуманные, отличающиеся основательным знанием предмета статьи М. Неттлау представляют ценный вклад в сокровищницу анархической литературы, так как в них всегда разбираются очень важные и животрепещущие вопросы нашей современности.

Одной из самых положительных сторон писательства М. Неттлау является отсутствие в его статьях доктринерства, демагогии и рабленного подражания образцам и формулам.

Касается ли то — Бакунина, Прудона, Реклю, Кропоткина или кого-либо другого из «учителей», М. Неттлау далек от того, чтобы воспринимать на веру, без критической проверки все то, что было сказано людьми, хотя бы и игравшими заметную роль в анархическом движении.

Через все писания М. Неттлау красной нитью проводится та мысль, что никто еще ни в области теории, ни тем более в области практики последнего слова не сказал и несомненных и неколебимых истины не открыл.

Самые известные и выдающиеся анархисты, как это следует из статей М. Неттлау о Кропоткине, не претендовали на все это, и на свои писания смотрели не более, как на искание истины и путей к осуществлению идеального общественного устройства.

В своих статьях М. Неттлау неоднократно заявлял себя сторонником сотрудничества с jinakomyслиащими людьми, проникнутыми идеями гуманности, свободы и желанием общественного блага. Создание идеального безвластного общества зависит скорее всего от суммы общих усилий всех живых, свободлюбивых, радика-

льных и либеральных сил страны, а не от одной какой-либо политической группы, поставившей себе хотя-бы самые возвышенные и благородные цели.

И анархизм с этой точки зрения должен быть бродилиом, закваской всякого постоянно освободительного общественного движения. Анархист же не должен уходить в свою нору, от мира сего, превращаться в отшельника и сектанта, а быть всегда там, где заметно движение воды, где стон раздается, где открывается хотя бы малейшая возможность пропаганды анархических идей.

Но анархист может опоганиться, заляцкать свои белоснежные ризы соприкосновением с самаритянами?

Бояться этого нечего: золотой в грязи блеснит, малоденный же металл, если заржавеет и потеряется то от того бо-
льшой убыли для анархического движения не произойдет.

Ни одно политическое течение, в том числе и анархическое, разумеется, не застраховано от ренегатов, перебежчиков, людей маловерных и неустойчивых. Наше американское анархическое движение в этом отношении не представляет исключения: и мы имеем людей, отвернувшихся от того, чему прежде поклонялись, вернувшихся на блевотину свою. Такие бродячие кометы для всякого движения скорее всего ненужный балласт.

И эти люди, разумеется, нам не указ, они не могут служить примером для всех тех, кто стремится к благу и счастью всех людей, а не только к преуспеянию тех или иных личностей, или отдельных привилегированных групп и классов.

В своей деятельности и жизни мы должны подражать не худшим, а лучшим образцам, мы должны идти путями наших великих и благородных предшественников — Бакунина, Прудона, Кропоткина, Малатести, Неттлау и других выдающихся анархистов, сохранивших чистоту своих убеждений и веру в анархизм до гробовой доски. Твердости этой веры не поколебали ни гонения, ни тюрьмы, ни пытки, и никакие иные испытания. Эти люди

MAX NETTLAU.

Пути и цели революции в понимании Кропоткина

V.

1905—1914.

Читатели этих глав не ожидают встретить в этой, последней главе серьезные перемены во взглядах Кропоткина. Они будут критически относиться к попыткам показать, что его анархическая работа более или менее сливалась с анархо-синдикализмом, который, со своей стороны, давно уже стал в понимании его последователей теоретиков тем, что прежде имелось «самодовлеющим синдикализмом» и что теперь именуется «чистым синдикализмом». Выше уже было показано, с помощью выдержек из писем Кропоткина 1881, 1902 и 1914 годов, что Кропоткин придерживался совершенно иных взглядов на отношения анархизма к рабочему движению, чем люди, призывавшие отойти в сторону и полностью подчиниться, в согласии с тем, чего ожидали чистые синдикалисты от анархистов и к чему они призывали бы анархистов, если бы могли.

Принято считать, что Кропоткин изменил свою позицию еще до 1914 года по отношению к французскому синдикализму, но относительно к рабочему движению в России в период 1905—1907 г.г., когда оно получило некоторую свободу действий, а по отношению к чрезвычайно элементарной работе, временно носившей синдикальный характер, которая велась в Ан-

глии около 1912 года. Что касается русских событий 1905 и последующих лет, то я начну с указания, что то был тот самый «революционный период попремушеству», который, согласно предвидению Кропоткина, должен был предшествовать революции.

Кропоткин бодро смотрел вперед и помогал в деле выполнения трех великих задач: ослабления и дезорганизации правительственных учреждений, как старых, так и новых, как самодержавных, так и парламентских и замены их практикой свободной инициативы, федерализации и т. д. — улучшению положения рабочих и крестьян, путем прямого социального действия, организованного давления и возмещения и содействующей практики объединения, солидарности и организации экономической жизни на их собственному выбору, — возвышению голоса анархизма путем прямой пропаганды и практики либертарной помощи, побуждения и инициативы во всякой среде, где это осуществимо. Чем иным могла быть роль анархистов для Кропоткина после того, как он так ясно излагал это столько лет, начиная с 1873 года?

Вот почему я вижу его пишущим Жюлье Гильому в декабре 1905 года, едва месяц сиял после того, как стали появляться листки «Хлеб и воля» (30-ое октября): «... Вчера я получил нечто, доставившее мне удовольствие, а именно: русский «Револьте» на 22-х страницах, целиком написанный от руки в России теми самыми, которые 6 месяцев тому назад называли нас реакционерами и которые теперь издают действительно серьезную, превосходную газету без эффектных фраз, какие были в обычае несколько времени тому назад». Это газета была «Бунтарь», орган русских анархистов-коммунистов № 1, декабрь 1906 г. Она печаталась в Женеве; 4 номера, вышедшие в 1908 и 1909 г. г., повидимому, бы-

и множество иных мало известных анархистов, всю жизнь оставались и остаются на своем посту, не изменяя анархическому знамени.

Пожелаем-же нашему глубокоуважаемому юбиляру сохранения бодрости и свежести сил на долгие годы, на благо анархического движения и всего человечества. Мужественный и смелый голос юбиляра необходим особенно теперь, когда человечество очутилось на переломе, перед какой-то надвигающейся новой страшной катастрофой, которая под своими развалинами может быть похоронит цивилизаций до основания капиталистический строй.

ли продолжением ее.

Кропоткин продолжает: «...Партия оснoвана. Теперь я спокоен. Настоящая анархическая партия, серьезно и хорошо организованная, окончательно создается теперь в России. Посажен крепкий ко-рень для будущих ростков... Говорят - ли эти слова о том, что Кропоткин в то время ничего больше не хотел в душе, как основать синдикализм в России и отодвинуть анархизм на задний план, как должны быть более или менее склонны предполагать читатели двух очерков в русском чикагском «Сборнике» 1931 г? Эту поддержку я опубликовал также и в 1931 году.

Кропоткину всегда было ясно, что анархисты, как рабочие, должны входить в соответствующие организации, и он был очень нетерпелив с теми, которые жили одиночками, вдали от общества (и обычно называл это дезертирством, уходом от долга каждого человека по отношению к человечеству, которому каждый из нас обязан многим.). Но он очень резко писал, накануне октябрьских событий 1905 года в России, что считать организационную работу профессиональных союзов главной задачей анархистов в России в то время означало бы растрачивать энергию на работу, которая будет делаться, так или иначе, к ущербу для чисто-анархической пропаганды и революционной агитации. («Хлеб и воля», октябрь 1905; «Сборник» стр. 139—40). Он возражает против организации анархических синдикатов; место анархистов — среди народа, они должны бороться с влиянием политиков, должны быть носителями революционной мысли, которая сделает рабочих способными произвести экспроприацию в широком масштабе («Листки», ноябрь 1906; «Сборник» стр. 140). Коротко говоря, я не нахожу никаких других советов анархистам в тех русских статьях, кроме таких, как Кропоткин обычно давал на протяжении 30 лет.

Если он усиленно подчеркивал данный вопрос в упомянутых русских изданиях 1905—1907 г. г., то причины этого

очевидны. Связь с народом и воздействие на народ были для него самым важным.

В этом смысле русские анархисты имели теперь первый случай применить эти взгляды на практике. Опыт Кропоткина, полученный в старые годы во время работы революционеров в народе в 70-х годах и в годы развития интернационального рабочего движения, был к услугам. Кроме того, молодые анархисты, до того времени бывшие пропагандистами и террористами, были весьма склонны применять во время волнений в России тактику насилий, которая очень скоро поставила бы их вне закона и положила бы конец открытой пропаганде. Тогда, как это легко было предвидеть, создалось бы такое положение, когда наиболее самодержавные анархисты приносили бы себя в жертву, а действия их оставались бы непонятыми народом. До известной степени именно это и случилось, но так как вскоре все социалистическое движение было запрещено и частью обратилось к террору, то все виды насилия, экспроприации и т. д. смешались.

Полиция наводнила организации террористов провокаторами. С другой стороны, некоторые террористы пытались проникнуть в ряды полиции и в правительственные круги для целей контр-шпионажа. Кропоткин узнал многое об этом из расследования действий Азефа. Он был членом комиссии по этому делу. Дело Азефа выглядело так, что Вера Фигнер заявила, что она готова взойти на эшафот, чтобы свидетельствовать о невиновности Азефа. Но, как рассказал Кропоткин позднее, виновность Азефа была установлена не полицией, а совершенно иным путем.

Если бы этого не случилось, то, по убеждению Кропоткина, Бурцев и, может быть, сам Кропоткин, были бы убиты после процесса мстителями за поруганную «честь» Азефа.

Кропоткин чувствовал сострадание ко всем молодым анархистам, которые шли этим путем, сначала теоретически, а потом

практически. Этот путь приводил их или к гибели, или к вырождению в той или иной степени (к вульгарности, или к авторитарности и т. д.). на почве этой модной и туманной «нелегальности» во что бы то ни стало. Кропоткин вложил всю свою душу в эти призывы к работе в народе. Он потерял значительную часть своей популярности по этой причине, стал рассматриваться, как человек устаревший, и, как он говорит в упомянутом выше письме, — реакционером. Это и есть настоящая причина его выступления в защиту работы в массах в те тяжелые годы, начиная с 1904 года. Я слышал его беседы в том смысле, в каком я излагаю здесь его слова и в каком его понимали друзья и современники. Революционный период был для него чем-то более широким и глубоким, чем погружение с головой в синдикализм.

В Западной Европе синдикализм был в полном расцвете в 1906 году, он сам востигался собою, и общественное мнение также высоко его расценивало. В том году состоялось празднование 1-го мая, Конгресс в Амьене во Франции, зарождение синдикализма в Италии, Бельгии и в Англии. Сошлюсь на «Голос Труда» (Лондон январь—сентябрь 1907 г.): здесь Кропоткин описывает это движение Гильому 21-го октября 1906 года, как чисто синдикальное и начатое «четырьмя жюриными сотрудниками «Фридом»: Маршем, Торнером... Килом, нашим печатником и мною самим»...; одновременно Кропоткин публикует «Синдикализм и Парламентаризм» в «Тан Нуво» (17-го октября 1906), — статьи, написанные под впечатлением дебатов Германской Социал-демократической Партии и Профессиональных Союзов на Конгрессе в Мангейме. Кропоткин удовлетворен «продуктивным сотрудничеством», которое он — ввиду того, что оно вызвало возмущение среди синдикалистов Амьена — объяснил Гильому (21-го октября) как явление случайное и единственно возможный для парламентариев способ бороться с анти-со-

циальным законодательством. Он имел здесь ввиду отмену анти-трейд-юнионистского законодательства Таффа Воль и тому подобные случаи. Он считал допустимыми параллельные действия, экономическое сопротивление и парламентскую оппозицию в подобных случаях. Это была у него не безпечная мысль, так как она развита была также и в письме 1902 года, уже упомянутом выше, в котором он предлагает, чтобы намеченный экономический интернационал не объявлял, по крайней мере на первых порах, войны против социал-демократии. Эта точка зрения соответствует предложению сотрудничества бок-о-бок, которое Гильом, а также и Бакунин (1872 г.) предложили марксистам. Статья в «Тан Нуво» понравилась Гильому. Кропоткин отмечает также, что лордская немецкая газета («Друг Рабочего») перевела эту статью.

Я несколько не защищаю этот взгляд, я только устанавливаю факт, что Кропоткин высказывал его как раз в то время, когда французские синдикалисты провозглашали как раз обратное — самодовлеющее значение синдикализма и отрицание всякой связи с политическим социализмом. Кропоткин не порицал такой связи в том смысле, что для него эти социалисты давно уже были не чем иным, как людьми, которые могут выполнить «радикальную программу», т. е. помочь в деле устранения некоторых помех, воздвигнутых легализмом и которые в таких случаях, в этой области, могли бы быть полезными ассенизаторами. Гильом достаточно широко смотрел на вещи, чтобы понять намерения Кропоткина, но доктринарные и фанатические синдикалисты не допускали такой широты взглядов.

Приблизительно в то же время Кропоткин на собрании группы «Хлеб и воля» (октябрь 1906 г.) сделал доклад, в котором мы снова встречаем его старую программу мероприятий после победы революции. На этот раз программа была изложена в терминах, более или менее синдикалистических. Эта терминология бы-

за в то же время терминологией Интернационала до Кропоткина, и Кропоткин ознакомился с нею в 1872 г. Та же терминология была свойственна синдикальной идеологии в изложении Пеллутье и Пуже, которым она была подсказана предыдущей историей Франции, начиная с 90-х годов 19-го века. В этом случае Кропоткин снова воспользовался сравнением синдиката с ячейкой будущего общества. Эта мысль также известна была, начиная с 1869 г. Более практическое представление о положении дед дает его письмо к Гильому от 22-го марта 1907 года, где он говорит: «...В данный момент очень серьезные группы анархистов уже создаются в России. Синдикатам остаться независимыми». Это пренебрежении и забвении, становится важным. Социалисты - революционеры и социалисты - демократы стараются наложить на него руку. Можно было бы уже прекрасно работать в России, если бы я мог помочь товарищам, подбодрить их, а иногда и дать добрый совет, чтобы помочь синдикатам остаться независимыми»... Это замечание выглядит очень скромно и относительно, по всей вероятности, к рабочим организациям, сохранившим некоторую самостоятельность и находившимся в опасности попасть под руководство социалистических партий. Товарищи часто не знали, как с такими организациями обращаться. Архивы «Инстков» указывают на то, что Кропоткин ссылается. Одна из наиболее успешных попыток сделана была в Тифлисе, где Гогелия, один из грузинских товарищей, действовал в духе Кропоткина, и где Черкезов популяризировал синдикализм. Но такие местности и обруга были немногочисленны.

В предисловии (август 1907) к очерку о синдикализме, написанному Гогелия (опубликован в 1909), Кропоткин писал, что тесная связь между левым крылом Интернационала и нынешним синдикализмом, идейная связь между анархизмом и синдикализмом и идейное противоречие между марксизмом, принципами социал - демократии и синдикализмом хорошо выяснены в этом очерке. Сам он сделал то же самое

в статье «Синдикализм и Анархизм» («Фридом», июль—август 1912). Очевидно, что общественная жизнь, творимая самими людьми (Анархизм и надежды, возглавляемые на него либертарными синдикалистами) и общественная жизнь, искажаемая и принудительно навязываемая эксплуататорами, господами и принудительным аппаратом социалистического государства, — неприимно противоположны. Такие типы социализма принадлежат к прошлому и ведут назад, тогда как либертарные чаяния, в единении со всеми формами прогресса, подготавливают более счастливое будущее человечества.

Кто знал Кропоткина, тот помнит, что с годами он становился все более впечатлительным, но после колебания то к светлому, то к мрачному, он замечательно хорошо умел вновь обрести равновесие и продолжал идти по своему старому пути. Временами у него появлялись серьезные опасения относительно продуктивности работы активистов - синдикалистов, временами же возрождались надежды. В 1910 г., как и в 1902, синдикализм, в его практической английской форме, как будто плыл к югу. Том Манн написал «Промышленный синдикализм» — ряд обращений и очерков. Огромные забастовки проводились в духе прямого действия. Идея «Индустриальных Рабочих Мира» о классовой войне распространилась в Шотландии и Англии. «Индустриалисты», как их называли, были социалистами прямого действия, некоторые или многие среди них стояли за строго - экономическую борьбу, были против политики, другие были менее решительны в этом вопросе. Они принимали помощь от анархистов, но среди них не было ни симпатий к анархизму, ни понимания, ни интересов, ни стремления к нему. Это течение было интересно для анархистов, как и однородные течения в 1896 и 1902 г. г., но никому оно не внушало такого энтузиазма, как Черкезову, особенно в 1912 и 1913 г.г., и его наступление ложилось и на Кропоткина.

В 1911 г. Гильом выступал как фанатик синдикализма и жаждал превращения

тей анархической агитации, которую вел Бертони, Малатеста и др., Кропоткин высту-
пил с письмом от 2-го марта, выдержки из которого приведены выше. Несколько месяцев спустя началась война, и я не стану обсуждать здесь те взгляды, которые стал высказывать Кропоткин после этого и после Русской Революции. Эти события оказали огромное воздействие на его настроения, и я намерен рассмотреть его высказывания и учение за 50 слишком лет полной умственной независимости, которая отличала его с юных лет и вплоть до лета 1914 года.

Если синдикализм, как пробуждение сознания рабочих, интересовал его, то воз-
стания очаровывали его. В этом нет ничего удивительного, потому что переход от возстания к революционным переменам является опытом всех веков. Гипотеза же о том, что синдикальный организм займет место капиталистического общества, без опыта возстаний, без революционного устранения препятствий, без подчинения всего общества и целого диктатурам, так же мало доказана, как и гипотеза политиче-
ского социализма о том, что когда социалисты будут иметь большинство 51 против 49 в парламенте, то они проведут голосова-
нием, как говорили прежде лондонские фабрики, подоходный налог в размере 19-ти шиллингов на фунт стерлингов и, таким образом, путем налогов вытеснят капитализм и установят коллективизм.

Кропоткин в статье «Рабочая война», напечатанной в газете Франческа Ферреро «Генеральная стачка» (Барселона 5-ое мая 1903) напоминает о «попытках всеобщего возстания за последние годы, — попыт-
ках, которые по необходимости должны предшествовать всякому большому движе-
нию и которые мы всегда видим накануне всех революций; будем помнить о Барселоне, об Андалузии, о Генеральной стачке, начатой в Бельгии, не по приказу, а против воли политиканов; будем помнить о Женеве и об отказе милиции взять оружие против забастовщиков; вспомним о бунтах в Петербурге, Ростове, Златоусте и Ниж-
нем, в Голландии и о недавней грандиоз-

ной стачке шахтеров в Соединенных Шта-
тах (Пенсильвания), которым нет равных в анархической борьбе пролетариата... и Кро-
поткин продолжает ссылаться на другие американские стачки. Когда Барселона еще раз начала борьбу в июле 1909, и Ферреро был подвергнут мученической сме-
рти, Кропоткин, год спустя, написал ста-
тью «Возстания и революции» датирован-
ную: Лондон 20 июля 1910, для Барселон-
ского журнала «Земля и свобода». Эта статья представляет собою наиболее точное краткое изложение взглядов, которых он придерживался по этим вопросам в тече-
ние всей своей жизни.

«Местные возстания необходимы», на-
чинает он; «они нужны в большом числе. Необходимо, чтобы города и сельские районы имели революционные традиции для того, чтобы когда-нибудь революция стала возможной. Прежде, чем революция начинается, как в 1905 г. в России, непре-
рывный ряд возстаний в городах и, са-
мое главное, возстаний сельских рабочих на больших пространствах, необходим, чтобы дать революции время и возмож-
ность развиваться...». «Пусть никто не го-
ворит, что возстания бесполезны, никогда еще не было бесполезного возстания»..

«...Именно потому, что мы знаем, что бунт может произойти в один день и при-
вести к смене правительства, и что рево-
люция требует трех или четырех лет ре-
волюционной бури, чтобы привести к ос-
новным результатам, к серьезному и проч-
ному изменению в распределении экономи-
ческих сил нации, именно по этой причи-
не мы говорим рабочим:

первые возстания революции не могут иметь более широкой цели, чем потрясе-
ние правительственного механизма с тем, чтобы остановить его, сломать его. И не
обходимо действовать таким способом, что-
бы сделать возможным последующее раз-
витие революции»...

«...Лишь когда государственное управле-
ние и его моральные основы свергнуты и
ослаблены, могут анархо-коммунистиче-
ские идеи распространяться и стать живы-
ми для масс. Только тогда, когда пер-

вые препятствия устранены, или преодолены. Жизнь выдвинет великие вопросы экономического равенства; тогда, и только тогда, когда умы будут возбуждены событиями, люди обратятся к разрушению старых форм и к построению новых взаимоотношений. Тогда, а никак не при других условиях, анархия и коммунизм явятся неизбежными решениями. Тогда революция, благоприятная нашим чаяниям, встречающаяся более или менее нашим горячим желаниям, начнется. Не упустим же случая, который дает нам народ для подготовки к революции и для доведения ее до благополучного конца»...

То, что писал Кропоткин, исходило из глубины его сердца и в большинстве случаев страдалось и подвергалось дальнейшему обсуждению в его письмах того же времени и в его беседах с теми посетителями, которые были ему близки. Возмущениями было полно его сердце, когда он писал приведенные выше строки, мысленно представляя себе русское, испанское, мексиканское возмущения... Я видел его письмо от 12 января 1910 года, где он высказывает мысль, что «пора уже оставить в стороне индивидуальные акты и частичные забастовки (или даже генеральные забастовки, если они не имеют другой цели, кроме самой забастовки). Время уже подумывать о возмущениях (он пишет по-французски и употребляет слово «*emeute*»), которые могли бы стать началом революции».

Анархисты найдут наилучший путь к этому, если будут помнить эти слова: «это не будет анархия, — мы это знаем, — но мы сделаем многое для либертарного коммунизма и для распространения идеи анархии — если только революция продолжится и если не будет поражения через два или три месяца после ее начала». Он добавляет: «Период, в течение которого наши силы погибали, подобно забытым часам, длился достаточно долго. Мы должны уже думать о том, как использовать их для серьезного натиска и продвижения ("poussée")».

В этом нет ничего нового для Кропоткина, это и есть «фактическая пропаган-

да» 1873 года, участие в каждом народном волнении с целью придать ему либертарное направление и свободное коммунистическое содержание до пределов возможного. Он всегда стремился к широкому пониманию этих задач, но люди, понимающие только букву его учения, превратили в догму те немногие из многих путей либертарного прогресса и действия, которые он рекомендовал. На протяжении нескольких поколений они толкуют о лозунге «бери с кучи» и подчеркивают, что в некоторых случаях он одобрял синдикализм. В ноябре и декабре 1905 г., между амнистией и московским восстанием, когда он, по мнению читавших чикагский «Сборник», глубоко задумывался о том, как создать синдикализм в России, он жадно впитывал в себя все революционные вести из России, обсуждая каждую особенность положения мысленно и в беседах.

Однажды, после того, как он провел несколько дней в Лондоне за работой в библиотеке, он с чувством удовлетворенности сказал как то вечером (эти его слова я помню и уже привел их раньше в печати), что утром того дня он провел несколько часов в галлерее для стрельбы и упражнения в стрельбе из винтовки. По его словам, он был когда-то хорошим стрелком и теперь убедился, что не совсем еще утратил былую меткость. Он собирался тогда в Россию и заметал по этому поводу: «кто знает, может быть там это умение пригодится». Видимо, он имел в виду сражения на улицах. Жена его не должна была об этом знать — это замечание он тоже высказал тогда. Но о синдикализме он мало говорил в то время.

Вот то, что я могу сообщить о путях и целях революции, как их понимал Кропоткин до 1914 года. Не стану разбирать здесь его попытки в течение последних лет найти и рекомендовать позиции и действия на случай войны, возможность которой ясна была ему, можно сказать, в течение всей его жизни, от Крымской до 1914 года. В этом направлении такая масса приобретенных сведений, впечатлений и постоянного размышления

оказывали на него воздействие, что результаты оказались чисто личными и частными и должны рассматриваться, как таковые. Верно то, что они сказываются в его произведениях — как это было и с Бакуниным, Прудоном, Марксом и столь многими другими. Его современники не выдвигали возражений, очень редко выражали несогласие и имели свои собственные мнения, как это свойственно каждому в подобных вопросах. Такие вопросы не разрешаются путем постоянных разговоров, ни путем формальной, единообразной доктринерской рутин, а лишь путем питания мысли и чувства разумным знанием, попутно с действием.

О Кропоткине ни в коем случае не следует судить по его отдельным высказываниям, по некоторым случайным замечаниям его о «звятии с кучи» или об интенсионной культуре, или о сочувствии синдикализму. Мы видим его с кооператорами в Манчестере и в Дмитровке, со специалистами по строительству и использованию свободных земель (г. г. Фельс и Ронтри), со специалистами по выращиванию ранних плодов в Джерси, с русскими федералистами, с духоборами. Он чувствовал себя вполне дома среди Юрцев и испанских рабочих, среди рабочих лондонского ист-энда и провинции, с шотландскими рабочими. Мы видим его также уходящим в глубь летописи о Французской Революции и следящим за ходом русской оппозиции, видим его подготовляющим революцию, отстаивающим свои взгляды в 17-ти научных статьях в журнале «Новейшая наука» (1892—1901) и публикующим свои собственные научные труды, свои работы по истории литературы. Он умел наслаждаться музыкой и другими искусствами. Если он интересовался этикой и другими предметами, то очевидно, что существовало также много предметов, с которыми ближе ознакомиться у него не было ни времени, ни желания. Не может быть и вопроса о том, что это страдалось на некоторых его работах.

Сравнивая главные идеи Кропоткина, как они вытекают из этого разсмотрения,

с теми, которых придерживались Бакунин, Элизе Реклю, Малатеста и некоторые другие, широко известные анархисты, я прихожу, к моему собственному удивлению, гораздо меньше разницы, чем я ожидал. Я нахожу, что все они отличаются от некоторых других толкований, как, например, индивидуалистический анархизм Туке, аморфный коммунизм многих анархо-коммунистических ригористов, застывшего коммунистического ригоризма, от застывшего Джексона Лунасом в начале 80-х годов и, конечно, они отличаются также от анархо-синдикализма, тождественного с «синдикальным государством», с всепоглощающим аппаратом, сходным с тем, какой описан у Лунаса.

Бакунин и Малатеста обладали более глубокой революционной волей, как о том говорят их постоянные стремления к прямому действию. Реклю, мне кажется, обладал более широким и уравновешенным умом и более глубоким пониманием людей. Кропоткин умел быть очень суровым, как мне представляется, когда к тому представлялся случай. Но все понимали величие задачи, которая требует разума и широты взглядов, а не доктринерской узости. Все умели думать одновременно более, чем об одном предмете. Этого не понимают столь многие искренние сторонники и приверженцы, считая это большим грехом, изменой священной обязанности. Все они также устраняли авторитет из своих учений и действий в максимальной степени, но не отрицали образования для необразованных, а проводили эту задачу на деле. Этой задаче отвечало бакунинское «Братство», членом которого был Реклю, и Алльянс, членом которого были Малатеста, а затем и Кропоткин.

Реклю, правда, отказался от этих обязанностей и позднее стал «независимым братом» Бакунина, но исходившее от него воспитывавшее влияние не уменьшилось, а возросло. Имел так много общего и будучи прямодушным и безстрашным мыслителем и искренним проповедником своих взглядов, эти четыре чело-

JEAN GRAVE.

ГНИЛОЙ СТРОЙ

Читатели «Пробуждения» уже знают из газет о мошенничествах, сделанных так называемым Стависским и о тех пропавших, которые развернулись в Париже в первых числах февраля. Но не о самом деле я хочу здесь сказать, а о его нравственной стороне.

Финансовое мошенничество? Это не первый раз происходит. Если не всегда такого размаха, то все-таки довольно солидные, а иногда такие, которые превосходят это, например, Панама, которую еще не совсем забыли.

Тогда дело касалось мошенничества не 5-600-миллионов, а более миллиарда, что теперь должно составить 6 или 7 миллиардов, извлеченных копейка в копейку из карманов мелких сберегателей. В числе сообщи́ков находились 114 депутатов, один министр, не считая тех, которых сильно подозревали, но не были уверены в их виновности.

Дело произвело большой шум, но кончилось самозабвением, как и много других. Убитые и раненые... Только министр Бабю не настолько глуп, что сразу сознался.

Это значит, что пока будет существовать капиталистический режим, будут существовать и мошенники, которые, сообразуясь со своим положением, будут красть несколько сотен франков, несколько сотен миллионов, а то и больше.

В деле Панамы была скомпрометирована полиция, в деле Стависского, преимущественно, политические деятели. Здесь встречаются чиновники, судьи и я не

знаю еще кто. Отсюда следует, что возможно, от времени до времени и найдется человек, способный не поддаться искушениям, то это будет редкая птица. Поручиться же за всех 600 человек — невозможно.

Поскольку будут существовать депутаты, чиновники, то всегда будут такие, которые не прочь погреть себе руки.

И все это настолько заметно, что общественное мнение, если немного и возмущается, то не приходит в большое волнение.

Чтобы получились движения и убийства 6 февраля и следующих дней, нужно было что-то большее, чем дела Стависского, которое послужило не более, как предлогом.

Прежде всего, мы имеем кризис, октавизмный весь свет; налоги, падающие как град на голову налогоплательщиков и, сверх всего этого, желание некоторых политических деятелей, довольно подозрительных, навязать нам фашизм, по примеру Гитлера или Муссолини.

Первые манифестанты, начавшие агитацию, были «Камло дю руа» (монархическая организация молодежи), мечтавшие вместе с «Аксион Франсез» (монархический орган) о восстановлении монархии, такие же бесовские политики, если не больше, как и те, против которых они манифестировали, и коммунисты, политики другого жанра, вышедшие по провкам, поддерживаемым на золото Москвы, и прикрывающиеся этикеткой, значение которой для многих было довольно трудно объяснить.

Прежде всего, в деле Стависского было действительно много скомпрометированных лиц — это не первый раз. Пытались потушить дело, чтобы уменьшить скандал — так делается обычно всегда.

Чем рисковал Стависский? Несколько-ми годами тюрьмы! Но с помощью соучастников, которых он имел, он мог из-

века не могли не прийти к почти одинаковым выводам по одним и тем же великим вопросам, а именно: необходимо привести развращенное владычество человечество ближе к интеллектуальной и моральной цели столь многих безкорыстных людей — к свободе и солидарности.

М. НЕТТЛАУ.

даться с уверенностью, что если он смо-
лит, двери тюрьмы откроются для него ве-
сьма скоро, а из украденных миллионов
ему должно было остаться достаточно для
хорошей жизни. Да!... Но человек слаб!
Только мертвые умеют молчать. И таким
образом он был найден мертвым на вил-
ле, которую окружила полиция.

Ни с того, ни с сего был предложен
замечательный пост Префекту Полиции
Кьяшу. Не с большим основанием этот
последний подал в отставку, тогда как, ес-
ли бы приступили к допросам, те тем са-
мым развязали бы языки. Чего можно
большого требовать? Разве не шло все
по правилам?

Но те, которые мечтают перенести
нас на полтора века назад не могли про-
пустить такого прекрасного случая испы-
тать общественное мнение, бросившись
на приступ парламентариев, которые могут
быть развращены, как и они, не не бо-
лее. И коммунисты, не упускающие слу-
чая поднять «звон», без смысла, последо-
вали по их стопам.

Там были и бывшие участники вой-
ны, но те, которые примыкают к органи-
зации «Круа де фе», и такие же реак-
ционные, как и камло.

Во всем этом я не видел тех, кого
можно было бы действительно назвать на-
родом, т. е. тех, которые несут все бремя
и имели бы действительно право заставить
себя слушать и противопоставить свою во-
лю.

В этом движении мы не видим ниче-
го другого, кроме политиков, которые меч-
тают навязать нам свою систему.

Представляй бы ультра - реакцион-
ная масса мятежников опасность выйти по-
бедительницей, несомненно, настоящее на-
селение должно было бы подняться, но не
для защиты режима, который — не бу-
дем слишком много повторять — не-
поправимо гнил, но чтобы предохранить
нас от усиления власти и произвола.

Это как раз то, что хотела или пы-
талась сделать С.Ж.Т. (реформистский
синдикат), объявивший 24-часовую забастовку.
Но, по моему мнению, он выступи-
л слишком рано. Момент еще не на-
ступил, т. е. то, что позволило бы нам уз-
нать, был ли он на стороне правительст-
ва или чего? Его поступок требует об-
яснения.

Мы не готовы к революции. Это, к
сжалеению, истина, достаточно очевидная,
но это не должно быть и мотивом, чтобы
позволить навязать себе усиление власти;
а если нам никогда не приходилось быть
вовлеченными в подобного рода борьбу, то
мы от этого не должны приходить в сму-
нение: мы должны ударить по ультра-
реакционерам и использовать условия для
того, чтобы вырвать уступки у этого гни-
лого режима, который существует только
благодаря тому, что никто не знает, чем
его заменить.

ЖАН ГРАВ.

ЛГУНЫ

Некий Девальдес, который когда-то
имел претензию считать себя анархистом,
недавно опубликовал в издательстве Миль-
оде и Сторц книгу, озаглавленную «Уве-
личивать и умножать, значить вести к вой-
не».

Согласно этому «научному» социоло-
гу, истинными причинами войны должны
считаться не торговые интересы фабрика-
тов, изготовляющих товары для армии, —
они должны являться, как следствие, не
штриг правителей, дипломатов и полити-

ков или, если уж и видеть в них причи-
ну, то как причину второстепенную и без-
сознательную.

Лучше того! Если ницета царству-
ет в капиталистическом обществе, то это
не вина тех, которые им управляют, и не
вина самой организации. Истинные ви-
новники ницеты: те, которые размножа-
ются, как кролики.

И вот! Под предлогом неизбежного
впереди несчастья, хотя еще и не дока-
занным, бедность, являющаяся, собой

вено, частным делом, должна стать общественной обязанностью. Книга Девальдеса кончается более или менее открытым призывом к властям, чтобы приуждать тех, кто еще недостаточно осознал утверждения господ милитаристов.

Что земля в один прекрасный день окажется перенаселенной и не в состоянии будет прокормить всех своих жителей — возможно, но не доказано. Во всяком случае, до этого еще сменится много поколений. И есть еще достаточно времени подумать о необходимых мерах, если это станет угрожающим. Ненужно забывать, что наша солнечная система не безсмертна, как и само солнце, и что, в один прекрасный день, наша земля может безвольно начать вращаться в пустом пространстве в результате охлаждения солнца, если только все это не кончится притяжением земли к солнцу и она прекратит свое существование в грандиозном пожаре.

Но это так доказательно, что плодотворные люди являются истинными виновниками войн, его книга так великолепно своими заметками и выдержками, так убедительна благодаря этим выдержкам, что бедняга Маргаритт, писавший к ней предисловие, просто дивится смелости и научному подходу этих людей.

Но если действительно было трудно найти выдержки, подтверждающие ваши утверждения в разного рода изданиях и журналах, то для этого нужно было только иметь время для чтения.

Что еще кажется очевидным нашему псевдо-ученому — это то, что причина нищеты не столько обязана плохой организации капиталистов, не эксплуатации человека человеком, а этим несчастным плодовитым особам, в которых видят источник всех несчастий.

«Отсутствие продуктов» пропитания приводит к войнам как гражданским, так и международным».

Я очень хотел бы, чтобы наш автор мне объяснил, почему сжигают хлеб в Ар-

гентине, уничтожают кофе в Бразилии? Почему такое огромное количество продовольствия пропадает в магазинах, отсутствие — я не хотел бы сказать потребителей — не отсутствие покупателей, которым их финансовое обстоятельство не позволяет такой роскоши, как удовлетворение самых необходимых нужд?

Вред происходит не от природы и не от непредусмотрительности тех, которые размножаются, подобно кроликам, а от никуда негодной капиталистической организации, которая, вынуждая большую часть человечества жить на свой заработок, ставит их вне возможности, как бы ни был велик их заработок, потреблять не согласно своим нуждам, не в том количестве, в котором они производят.

Таким же образом, согласно Девальдесу, и колониальные завоевания будут происходить для того, чтобы дать возможность сбыта перенаселенной нации — победительнице, хотя уже достаточно известно, что напротив, эти завоевания происходят для того, чтобы найти возможность сбыта продуктов, произведенных в избытке. И в очень даже чрезмерном, — это нужно повторять всегда, — так как производители, в силу существующего наемного труда, не могут потреблять всего того, что они производят, за отсутствием в достаточном количестве покупательных возможностей, чтобы удовлетворить все свои нужды.

И уже совсем неблагоприятно указывать нам на Муссолини, который мечтает отвезти у Франции Савойю, Корсику и Ниццу. Эти страны являются частями уже перенаселенной нации и они не могли бы служить местом сбыта перенаселения, чтобы Италия, — вернее, Муссолини, — мог мечтать о завоевании этих провинций. Следовательно, колониальные завоевания не могут считаться вызываемыми отсутствием пространства у завоевателей. И если бы можно было подвергнуть критике эти завоевания на основании достоверных документов, то можно было бы видеть, что властолюбие правителей, взаим-

ная вражда политиканов и властолюбие кое-кого других явились бы более важными мотивами, чем отсутствие пространства.

Разве до настоящего времени не были все страны открыты тем для въезда, которые отправлялись в поисках счастья или только возможности существовать за границей? И если мы имеем теперь та-кие, которые закрывают свои границы, то причиной этому коммерческая конкуренция, происходящая от плохой капиталистической организации или, еще более, по глупости правителей.

Противники плодovitости представляют в наше распоряжение целые статистические колонны, — книга Девальдеса полна ими, — чтобы показать ужасающее число рождаемости. Но ведь излишек рождаемости по отношению к смерти является показателем благополучия. Первое превалирует над вторым, это — бесспорно; население увеличивается, это — верно. Но не уходя в более отдаленные времена, чем Мальтус, разве он, вот уже сто пятьдесят лет тому назад, не плакался о перенаселении? И однако, около ста миллионов существ появилось на нашей планете, нашли здесь жилище и средства существования. Плохо, в большинстве случаев, это верно, но, однако, как те, так и другие их классы живут лучше, несмотря на это, чем жили люди того же класса во время Мальтуса. Рабочий класс, благодаря своим собственным усилиям, достиг, не смотря на сопротивление капиталистов, улучшения своего положения, очень незначительного, но все-

таки улучшения. Разве не было установлено, что по мере развития человечества, оно становится менее плодовитым. Уже больше не видно теперь стольких семейств, кипящих детьми.

Для некоторых нео-мальтузианство стало средством спекуляции. Не только в армии хотят их распространять. Хотят их навязать и нам. Я не хочу, конечно, обвинять автора, что он практикует эту продажу, но может получиться так, что само по себе оно может привести к этой компании.

Повторяю, вопрос нео-мальтузианства относится только к заинтересованным лицам. Тем, кто способен иметь детей, решать, нужно ли им иметь детей или нет и в каком количестве. И, в данном случае, жена должна иметь последнее слово, так как на нее падают все невзгоды.

Помимо этого, я вижу только три случая, где бездетность должна стать необходимостью для заинтересованных лиц.

1) Когда супруги могут произвести только больных или неуравновешенных.
2) Еще необходимо воздержаться тем, кто не любит детей. Лучше совсем не иметь, чем после бросать их на произвол судьбы или мучить.

3) Иметь детей в таком количестве, в каком ваши средства позволят их воспитать без чрезмерных лишений, — особенно для них, и в должной степени.

Кроме этого, все остальное — пустая болтовня, корыстолюбивая или нет.

ЖАН ГРАВ.

АНАРХИСТ

Анархист презирает все ваши обычаи,
Вашу черную правду и ложь...
—Человек! все нашивки, все знаки отличия

На одежде своей уничтожь.

Анархист смотрит прямо в лицо преступ-
ления,

Не боясь окровавленных рук...

— Кто страдает, познает восторг исцеления
От скигающих огненных мук.

Анархист, как ребенок, бегущий за птицей,
Гонит солнце к закатным морям...

Он — невольник, плененный темнотой,
Верит солнцу и солнечен сам

Б. Верхоустинский.

Каковой должна быть Россия?

О будущей России говорят много, и разное. Одни говорят, что Россия должна быть демократической страной, наподобие Америки и некоторых Западно-европейских стран. Другие доказывают, что России более всего свойственно единоначалие, так как оно, дескать, вытекает из патриархальности, испокон веков присущей России. Сторонники единоначалия, конечно, хотят царя. Третьи настаивают на том, что в России должна быть установлена фашистская форма правления. Находится немало лиц, придерживающихся «золотой середины», т. е. требующих сочетания монархии с демократией или демократии с социализмом.

Характерно, что все — монархисты, республиканцы, либералы, социалисты и фашисты — говоря о будущей России, имеют в виду не Россию, как таковую, а ее государственный строй. Это напоминает того крыловского господина, который слишком усердно рассматривал маленьких букашек, а такого великана, как слон, не приметил.

Наши строители будущей России тоже не примечают слона — подлинной России, в лице ее многочисленного трудового населения. Они говорят о России, как о государстве, занимающем известную территорию, а не о населении, живущем на этой территории. Отрицают они большевиков, как большевиков, а не как насильников несправедливости и рабства.

Отсюда вытекают все ошибки всех государственников, независимо от того, в какие ризы они (государственники) себя облачают.

Какова же наша — анархистов — позиция в этом вопросе? Каковой, по нашим взглядам и понятиям, должна быть Россия?

Прежде всего, нам следует уяснить, что мы подразумеваем под словом «Россия». Подразумеваем мы, конечно, многомиллионное население рабочих и крестьян с его неотъемлемыми запросами и потребностями.

Другой России для нас нет и не может быть. Затем — почему мы отрицаем большевиков? Ответ только один: потому, что они не дают возможности русским рабочим и крестьянам жить свободно и довольствоваться всеми благами жизни.

Следовательно, наша конечная цель сводится к тому, чтобы все трудовое население России было свободно и равноправно, как в политической, так и в экономической области.

Постараемся эту мерку — свободу и равенство — приложить к тем государственным формам управления, о которых мы упоминали выше.

Мы были свидетелями монархической формы правления в России. Что же мы наблюдали? Было ли там равенство? Была ли свобода? Нет, ничего этого не было. Большинство населения жило очень плохо, испытывая огромную нужду и лишения. Следовательно, эта форма правления уже давно вынесла сама себе смертный приговор. Она уже похоронена и не может воскреснуть, ибо она не совпадает с интересами населения.

Обратимся теперь к демократии. Во многих странах мы имеем демократию. Сами живем в такой стране. И что же? Облагодетельствовано ли население солнцем демократии? Вольготнее ли и хорошо ли живется? Увы и увыв, далеко не вольготнее и далеко не хорошо.

В демократических странах, как и в монархических, огромная часть населения обречена на нищету и прозябание. Благами жизни пользуются только немногие — те, кто владеет богатствами. Как же такой строй можно считать идеальным? Как его можно желать для России, если мы из опыта знаем, что он не дает широкой слоям населения счастливой и довольной жизни. Стало быть, и демократия с точки зрения свободы и равенства, не выдерживает критики.

О фашизме и говорить не приходится —

ся. Не приходится, ибо фашизм во многих отношениях несколько не отличается от большевизма, который мы и весь более менее культурный мир отрицаем.

Остается, следовательно, только одна форма общественного устройства, приемлемая для России.

Форма эта — вольный коммунизм, короче говоря — анархизм. Анархизм, действительно, не противоречит интересам широких слоев трудового населения. При анархизме каждый человек пользуется полной свободой. Никто не унижается, никто не возносится. Никто не работает на кого-то. Никто не может заставить другого быть его слугою. Все—равны. Все одинаково вдыхают воздух, все одинаково удовлетворяют присущие им потребности, все одинаково — по мере способностей—трудятся на благо всего общества. У одного есть наклонности к земледелию, у другого к рыбной ловле, у третьего — к литературе, у четвертого — к машиностроению. Каждый занимается тем, что милее всего ему. И продукт каждого считается общим достоянием. Общество забирает продукты труда, но за это оно дает право каждому трудящемуся удовлетворять все свои потребности. Одному украсится серого цвета костюм — иди, бери серого цвета! Другой предпочитает рыбу мясу — кушай рыбу вместо мяса! Третий — заядлый вегетарианец: что-ж, никто не станет ограничивать его в выборе своей, а оставленное им мясо едят другие.

— Послушайте, — скажут нам противники анархизма, — ведь это фантазия. Нам нужно говорить не о той России, которая будет за тысячи лет, а о той, которая должна наступить, быть может, завтра — после падения большевизма.

Извольте... Вы говорите, что анархизм — фантазия. Глубоко ошибаетесь. Обратите внимание на русскую революцию: откуда она вытекала и куда несла свои бурные воды? Чего требовали рабочие, чего добивались крестьяне? Не того-ли, о чем говорят анархисты? Не добивались ли рабочие, чтобы фабрики

перешли в их руки, а крестьяне не получили помещичьих земель? Этого же хотят и анархисты.

Земли должны принадлежать только тем, кто на ней работает, а фабрики — тем, кто в них работает, — одно из основных положений анархизма. Стало быть, русские рабочие и крестьяне в момент революции шли именно по линии анархизма. Стало быть, русская революция, начавшаяся свержением самодержавия, пошла в сторону Анархии. Правда, большевики остановили этот ход, но надолго-ли?

Как же можно называть фантазией то, что начинало уже осуществляться? Да, анархизм в России осуществлялся. Фабрично-заводские комитеты, — принцип анархический. Домкомы — тоже анархическое начало. А вольные советы, а самоорганизация для захвата и раздела помещичьих имений—разве это не анархизм? Пусть примитивный, неосознанный, но это анархизм, ибо мы здесь имеем дело с деятельностью и организованностью, идущей снизу вверх.

Ленин хорошо понял анархические настроения народных масс, поэтому он бросил такие лозунги, которые очень близко подходили к анархизму. Ленин выиграл — правильное сказать: обманул население. Его противники не выиграли, ибо они не могли бросить лозунгов, близких к анархизму.

Вот о чем свидетельствует нам русская революция. А революция эта далеко еще не закончена. Она остановлена на полустанке, даже отброшена назад. Но она не может оставаться на этом месте. Рано или поздно она будет закончена—дойдет до своего логического конца, осуществит то, что наметилось в 1917 году.

Мы, анархисты, можем даже до известной степени быть спокойны за судьбы России. Ни рабочие, ни крестьяне не захотят худшего. Наоборот, они захотят — и теперь этого чают — лучшего, притом максимум, а это и есть анархизм.

В этом отношении анархизм находится в самых выгодных условиях по срав-

нению с другими социальными течениями, ибо его программа полностью совпадает с требованиями широких слоев населения.

Итак, мы видим, что Россия в момент революции стихийно ринулась к анархизму. Ринется она опять, как только падет большевизм. Не царя на белом коне, не помещика и капиталиста пойдет встречать русский рабочий и крестьянин, а вольную волюшку. Чего-чего, а земли крестьянину помещику ни за что не отдаст; не уступит рабочий капиталисту и фабрику и заводов.

Какие конкретные формы примет будущая Россия — рискованно говорить сейчас. Особенно нельзя предвидеть всех деталей. Все, повидимому, будет складываться в соответствии с окружающими обстоятельствами. Но в общем, вся стройка социальной структуры будет идти снизу вверх. Рабочие, несомненно, захотят возобновить убитые большевиками фабрично-заводские объединения: крестьяне создадут свои сельские объединения; лица свободных профессий тоже объединятся; те, чья должность состоит в выполнении общественных услуг (учителя, железнодорожники, моряки, пожарные и т. д.) в свою очередь создадут объединения. Объединения эти затем объединятся по-районно. В районное объединение будет открыт доступ как организованным ячейкам, так и отдельным лицам. Там будут кузнецы, и музыканты, и мукомолы, и пекаря, и огородники, и дровосеки, т. е. все кто живет в данном районе. Это и бу-

дет коммуна. Она и будет вести учет всех видов, как производства, так и распределения.

Каждый человек в коммуне будет чувствовать себя свободно, каждый будет иметь право вступать в союз и соглашение с другими коммунарами для достижения той или иной цели. Страна переплетется бесконечными нитями взаимоотношений, идущими как от отдельных личностей, так и от организаций. Будет, так же установлена связь с зарубежными рабочими организациями.

Государство сойдет в область преданий. Вместе с государством канут в вечность и всякого рода насилия. На просторах необъятной страны зазвонят песни и закипит вольный труд. Каждый будет сознавать, что он работает не на тунеядцев, не на паразитов, а на себя, на всю трудящуюся семью.

Каждый будет чувствовать, что все, в чем он нуждается, дают ему другие, поэтому и сам он будет стараться дать другим все, что может. Пробудится к жизни неиссякаемая народная энергия.

Вот каковой должна быть Россия. Такой она и будет!

Стихия русского народа — анархизм. Его интересы — анархическая программа. Это мы видим из факта революции 1917 года. А революция эта, повторяем, еще не закончена. Продолжение следует. Конечная станция — вольный коммунизм.

Антономов.

М. РУБЕЖАНИН.

Древне-римские диктаторы и мы

2. Юлий Цезарь (100 - 44 до Р. Х.)

В дальновидности и прозорливости нельзя отказать диктатору Сулле *). Обедневший, но патриций до мозга костей, глубоко убежденный в том, что аристократия, а не народ, должна править Римом, Сулла жестокими мерами отстоял привилегии аристократического сословия от покушений плебеев.

Сулла не отдавал себе отчета только в том, что диктатура — обоюдоострое оружие, палка о двух концах, которая со временем может быть обращена не только против аристократии, но и самой республики. Но ведь враг раздавлен, в могиле, крамола вырвана с корнем господство аристократии обеспечено, всякая опасность устранена.

Враг, однако, ожил и встал из мертвых.

Знание людей и почти собачий нюх подсказывали Сулле, где таится опасность, он насторожился и принялся травить одного очень молодого юношу — патриция, в шестнадцатилетнем возрасте потерявшего отца, который принадлежал к ненавистной плебейской партии Мариев, несмотря на свой очень древний и знатный род. «Бунтовщики» знатного происхождения, были, как видно, и в древности, а не только в наше время.

Молодым человеком, не понравившимся Сулле, оказался недорезанный патриций Юлий Цезарь — один из будущих, самых знаменитых, древне-римских диктаторов, — внушивший диктатору — лице большие опасения.

Еще до совершеннолетия молодого человека женили по расчету, разумеется, а не любви. — на Коссуции — дочери богатого купца. Будучи избранным пламенником — жрецом в храме Юпитера, Юлий Цезарь развелся с Коссуци-

ей и женился на Корнелии, — дочери родовитого патриция Цинна, четыре раза избиравшегося консулом, принадлежавшего к революционной партии мариев, убитого аристократами.

Матримониальные похождения Юлия Цезаря не понравились Сулле, и ему, наконец, стало ясно, что молодой человек пойдет по стопам своего родителя — бунтовщика и врага своего собственного класса — патрициев.

В своих предположениях Сулла несколько не ошибся: Юлий Цезарь оказался упрямым, непослушным и дерзким молодым человеком. Слово Суллы было закон. Он требовал, чтобы Юлий Цезарь бросил Корнелию, которая для диктатора являлась олицетворением революционного прошлого ее крамольного отца.

Угрозы диктатора не подействовали на Юлия Цезаря: согласия своего на развод с Корнелией он не дал. На его голову посыпались репрессии: его лишили жречества, конфисковали приданое жены и его собственное наследство. После всего этого можно было ожидать только проскрипции, т. е. декрета о смертной казни посредством вскрытия вен.

Ни подчиняться диктатору, ни умирать молодой человек не хотел. Пришлось перейти на нелегальное положение и прятаться от следовавших за ним по пятам сыщиков Суллы. Спас свою жизнь Юлий Цезарь путем подкупа своих преследователей.

Между тем, весталки и влиятельные родственники Юлия Цезаря, примыкавшие к аристократической партии Суллы, не безуспешно ходатайствовали перед диктатором о помиловании его. Долгое время упрямившийся старик, наконец, уступил упрямствам преданных ему людей, но по

*) См. «Рассвет», от 27-го марта 1935 г.

словам римского историка Светония *) сделал следующее предупреждение:

«Я уступаю вам, возьмите его; только не забывайте того, что человек, которого вы так стараетесь спасти, в одно прекрасное время нанесет смертельный удар делу аристократии, ради поддержания которого вы примкнули ко мне; ибо в этом Цезаре имеется более, нежели один Марий».

Предсказания Суллы оправдались. Юлий Цезарь действительно сыграл необычайную, роковую роль в судьбах римской республики. Он ввергнул ее, по словам Светония, в состояние деспотизма, от которого она не смогла уже освободиться. Он не только похоронил республику, но и создал систему цезаризма, которая в той или иной форме сохранилась до нашего времени и получила большое распространение в странах с деспотической властью. Сущность диктаторско-цезаритской системы состоит в том, что верховная власть переносится на якобы избранника народа, в силу воли последнего. Таких правителей в наше время хоть отбавляй.

По утверждению Цицерона, Юлий Цезарь был одолеваем безграничным стремлением к славе и могуществу. Он хочет быть не только первым человеком в Риме, но и владыкой всего мира. Перед своими спутниками по пути в Галлию он открывает одно из своих сокровенных желаний: «лучше быть первым человеком в заброшенной и нищей гальской деревушке, чем вторым человеком в Риме».

У него вырывается глубокий вздох при виде статуи Александра Македонского:

— Этот молодой македонец в тридцать три года был покорителем чуть ли всего мира, а я еще ничем не прославил себя.

Его беспокоит чудовищный сон: он будто-бы покушается на честь своей собственной матери, отвечающей ему взаимностью. Предсказатели будущего успо-

каивают его: сон к добру, это — предзнаменование свыше о том, что он станет владыкой мира, ибо отдавшаяся ему мать символизирует землю, являющуюся общей матерью всего человечества.

Карьера Юлия Цезаря начинается со смерти Суллы. До этого времени Цезарю приходится оставаться в тени и вдали от царственного Рима. Он участвует в азиатских походах того времени, интересуется греческой философией и ведет разгульную и развратную жизнь при дворе Никомеда, царя Вифинского.

Светоний утверждает, что Цезарь простигуировал себя с Никомедом и находился в связи с царницей. Распутнические черты характера и его наклонности к противоестественному и ненормальному настолько общезвестны, что о Цезаре сложилась поговорка, как о человеке, который является «всякой женщины мужем и женой всякого мужчины».

Но все эти удовольствия не удовлетворяли Цезаря: ему надо быть первым человеком в Риме, прославить свое имя во всем мире, превзойти своими делами и поступками, уже опередивших его, своих современников и затмить своей славой героев прошлых времен.

При первом известии о смерти Суллы Юлий Цезарь мчится в Рим. Неправильного диктатора больше нет, но его дух еще жив: делами в Риме все еще орудуя сулловы, они косятся на новоявленного опасного пришельца, стараются оттеснить его, не дать ходу. Юлий Цезарь ищет точки опоры. Разгромленная Суллой революционная народная партия (мариевы) начинает оживать, проявлять признаки жизни.

Марк Лепид становится во главе заговора против сулловцев — патрициев, и пытается втянуть в него Цезаря, который, однако, отказывается от участия в этом деле потому, что Лепид не внушает ему доверия и главным образом потому, что время еще не созрело для успеха задуманного предприятия.

Юлий Цезарь, однако, нашел способ

*) Suetonius. The Lives of the Caesars.

обратить на себя внимание позабывшего о нем Рима. Он возбуждает в суде дело против экс-консула Корнелия Долабеллы, ставленника сулловцев, популярного полководца — триумфатора, обвиняя его в вымогательствах. На этом судебном процессе Цезарь обнаружил недюжинные ораторские способности, но дело проиграл, так как сулловцы все еще были хозяевами положения.

Оставшись после этого в Риме было не безопасно, Цезарь решил покинуть Рим и направиться в более безопасное место — на греческий остров Родос, где он хотел отдохнуть и усовершенствоваться в ораторском искусстве под руководством знаменитого греческого риторика Аполлония Моло.

Вблизи острова Фармакусы Юлий Цезарь попал в руки морских пиратов, потребовавших с него выкуп за освобождение в 20 талантов (20,000 дол.). Он пришел в ярость.

— Вы, остолопы и дураки, — оцениваете меня только в 20 талантов?! Разве вы не знаете, что я — Юлий Цезарь. Увеличиваю выкуп до 50 талантов.

В плену у разбойников с своим врачом и двумя слугами Цезарь пробыл 40 дней пока остальная его дружина не вернулась с собранной суммой выкупа. С пиратами он обращался надменно, покрикивал на них и в шутку грозил всех их казнить. Разбойники не обращали внимания на заносчивого молодого патриция.

Когда Цезаря высадили на берег после уплаты выкупа, он немедленно — же собрал несколько судов, настиг пиратов, пленил их и всех распял на кресте. Свою угрожающую угрозу он осуществил на деле.

В Азии Цезарь принимает участие в подавлении восстаний римских вассалов, поданных Митридатом. После ликвидации восстания он снова появился в Риме. Как отличившегося на войне, его избирают на должность военного трибуна. Он содействует усилению революционной народной партии и поддерживает попытки ее лидеров восстановить ограниченную Суллой власть народных трибунов.

По его настоянию, амнистируют Луция Цинну и других участников заговора Лепида.

Юлий Цезарь игнорирует декреты Суллы, объявившего Мария «врагом народа». Изображения последнего появляются на публичных торжествах. На похоронах своей тетки Юлии — жены Мария — и своей жены Корнелии — дочери Цинны — Юлий Цезарь опять напоминает Риму о древности и знатности своего рода, о великих заслугах марневцев перед народом.

Плебен зашевелился, воскресли надежды и ожидания на лучшие времена, на восстановление погранных народных прав. Снова поднимает голову раздавленное Сулло революционное народное движение. Патриции всполошились, учувывая появление нового опасного врага.

В сенате первым забил тревогу Цицерон *), знаменитый римский оратор, усматривавший в политических планах Цезаря тираннические цели. «С другой стороны, — говорил Цицерон, — когда я гляжу на его волосы, с таким вкусом завитые и вижу его прикасающимся к ним одним пальцем, я не могу представить себе, чтобы этот человек когда-либо мог помышлять о таком большом преступлении, как уничтожение римской конституции».

Опасения Цицерона были не без оснований: Юлий Цезарь очень мало беспокоился о конституции, с которой не всегда и не все считались. Эта конституция не спасала ни его, ни других мариевцев от преследований Суллы и его преемников. Он сам, чуть было не ставший жертвой диктатуры, прикрывавшейся конституцией, казалось-бы имел все основания быть непримиримым врагом подобного общественного порядка, обрекающего человека на полное бесправие и отдающего его на произвол диктатора.

Могут быть подобные мысли и рождались в голове Юли Цезаря, но пошел он по совершенно иному пути: безгранич

*) Plutarch's Lives. Caesar.

ная жажда власти и честолюбивые мечты заглушали в нем все другие стремления и толкали на скользкий и опасный путь диктатуры.

Прежде всего, Юлию Цезарю нужна была власть, и добивался он ее, не брезгая никакими средствами. Иллий, Сталин, Муссолини, Гитлер и другие нынешние, прошлые и будущие диктаторы только простые подражатели Юлия Цезаря. Даже пезуиты, маккиавеллисты и прочие разновидности политических авантюристов, в неоплатном долгу у Цезаря, учились у него политической мудрости вроде того, что «цель оправдывает средства», заимствовали у него приемы и способы борьбы.

В Риме все еще хозяйничали сулловы, и надо было вырвать власть из их рук. Сделать это было не так легко. Патриции отнеслись к Цезарю с нескрываемой подозрительностью и враждебностью. На их поддержку нельзя было рассчитывать, с ними надо было вести борьбу. Опереться можно было на недовольных патрициев, по многим причинам враждебно настроенных к своему собственному классу, и главным образом — на народ, на плебеев, на униженные массы, проникнутые ненавистью к белой кости, с завистью взиравшие на господствовавший класс патрициев, пользовавшихся всеми благами жизни.

И с теми и с другими Юлий Цезарь находился в тесной связи. Он не оставался ни перед какими затратами на устройство народных шествий, представлений, гладиаторских состязаний и тому подобных народных зрелищ. Он не только истратил все свое огромное состояние, и оставшееся по наследству от отца и других богатых родственников, но и влез в неоплатные долги, достигшие около 15 миллионов рублей.

В эту огромную сумму даже для нашего времени и для американских масштабов обошлось Юлию Цезарю приобретение популярности в народных массах. Популярность и власть в Риме, как видно из всего этого, стоили гораздо дороже, чем в наше время.

Но Юлия Цезаря все это нисколько не смущало: он исходил на азартного игрока, не раз ставившего на карту не только все состояние, но и свою жизнь.

Разоренный до тела, перед выборами в понтифики, Цезарь прощаясь с матерью, говорит ей:

«Сегодня я вернусь домой понтификом, или снова стану изгнанником».

Он был избран понтификом. Популярность Цезаря возрастала в Риме. Подкупая плебейское население Рима бешеными затратами средств, Юлий Цезарь не брезгал и другими, более острыми средствами борьбы против патрициев — революционными заговорами.

Причастность его к целому ряду крайних революционных заговоров несомненна. Он участвовал в заговоре, руководителем которого являлся: Марк Красс, эконсул, Публий Сулла и Луций Автоний, обвиненные сенатом в подкупе избирателей при избрании их на должности консулов. План заговорщиков состоял в том, чтобы произвести нападение на сенат, истребить всех враждебных им сенаторов, и провозгласить Красса диктатором, а Юлия Цезаря назначить командиром-всаднических войск: Сулла-же и Автоний были-бы поставлены на консульские должности.

Угрозы-ли совести, или страх удражал Красса от появления в сенате в назначенный для осуществления заговора день, и поэтому Юлий Цезарь не подал другим участникам заговора условного знака для начала резни.

Юлий Цезарь был также соучастником заговора молодого Пизы, добивавшегося не совсем регулярным порядком назначения управителем Испании, с которым он договорился поднять восстание одновременно в Испании и в Риме. Смерть Пизы расстроила этот план.

Все благонамеренные историки — древние и наши современные — не без ужаса и содрогания вспоминают о заговоре Катилины, который хотел «погубить» Рим.

Это был действительно очень серьез-

ный заговор, почти анархический бунт, поднятый цветом недовольной молодой аристократии против сенатской олигархии, державшей в черном теле народ, узурпировавшей всю полноту государственной власти, и все более увеличивавшей бремя обязанностей остального римского населения.

Светоний, Плутарх и другие историки отмечают, что заговор Катилины представлял нечто более значительное, нежели кучку отчаянных и неизвестных головорезов. К заговорщикам оказались причастными многие, очень известные в Риме знатные люди. Вожаки заговорщиков Катилина — патриций и сенатор.

И вся эта почтенная публика и знать по свидетельству все тех-же благонамеренных историков, задумала страшное, неслыханное в истории человечества, дело: перебить всех сенаторов, захватить все государственные и частные богатства, разделить их между заговорщиками и сжечь ненавистный Рим.

Имя Катилины давно уже стало нарицательным и пугалом для всех правителей, поступающих хуже разбойников, но возмущающихся и ненавидящих всякие заговоры против них с целью положить конец «закононому» разбою и произволу.

Катилина, конечно, не был таким чудовищем, каким изображают его противники. Духовный облик этого бунтаря лучше всего выявляется в его речи перед решительным сражением:

«Я хорошо осведомлен о том, солдаты, что словами нельзя сделать человека храбрым, и что потерявший дух армия не может быть превращена в активную, а робкая — в храбрую речью ее командира. Поскольку у человека имеется смелость — от природы — ли, или от привычки — постольку она будет проявлена им на поле брани. Для тех-же, на кого ни слова, ни опасность не производят действия, всякие призывы бесполезны; ибо ужас в их груди лишает слуха их уши.

... «мы боремся за нашу страну, за нашу свободу, за нашу жизнь; они-же, т. е. римские патриции, — только за нечто

маленькое, касающееся власти их небольшой партии.

... «В бою, кто наиболее труслив, всегда подвергается наибольшей опасности, храбрость-же подобна крепостной стене.

... «Но если Фортуна будет несправедлива к вам, постарайтесь отомстить за свою гибель, не отдаваясь врагу живыми, чтобы быть зарезанными, как скот, а лучше погибнуть в бою, смертью храбрых, чтобы оставить врагу кровавую и печальную победу».

Солдаты Катилины оказали отчаянное сопротивление, но победа досталась превосходившей их по численности консульской армии Антония. Сенат еще раз восторжествовал над заговорщиками. Начались расправы с уцелевшими заговорщиками. Тут-то и обнаружилось симпатии Юлия Цезаря к ним, не без оснований заподозренного в причастности к заговору Катилины.

Сулловы еще хозяйничали в сенате, и Юлий Цезарь, не без риска для собственной жизни, выступает перед почти поголовно враждебно настроенными сенаторами, в защиту схваченных в Риме заговорщиков — катилинцев: Лентула, Катеха, Габиния, Стагилия и Цепария. Он произносит очень политичную и хитрую речь, в которой отгораживается от заговорщиков и вместе с тем хочет спасти их от смертной казни.

Он указывает на опасность разжигания страстей в такой критический момент, — будь это ненависть, аффектация, злость или сожаление. Предшествовавшие ораторы пытались возбудить подобные чувства риторическими картинками ужасов войны и восстания, но их красноречие совершенно неуместно в данном случае. Возбужденное таким образом озлобление когда-либо будет признано жестокостью.

«Не потому, что Силлий (консул) желает наказания смертью по своему жестокосердию: сам он умеренный и гуманный человек. И в самом деле, преступления так велики, что и высшее наказание не представляется слишком жестоким. Во всяком случае, им не может быть

смерть, которая прекращает всякие земные страдания и не причиняет новых мучений в загробной жизни. Но наказание будет считаться жестоким просто потому, что оно неконституционно. Определенно выраженным законодательством опять и опять запрещалось наказывать плетью или убивать гражданина без суда. Вы не предлагаете подвергнуть этих людей телесному наказанию очевидно потому, что это запрещает закон. Почему тогда вы предлагаете казнить их? Оба наказания однократно незаконны. Я также должен напомнить вам о прецеденте, который вы создаете своим действием. Однажды предоставив такую власть правительству, вы не сможете ограничить ее применения. Она может быть и будет употребляема одинаково против хороших и плохих людей, как это было при Тридцати тиранах в Афинах и в наше время при Сулле. Я этого не боюсь теперь, когда консулом является Цицерон. Но я не поручусь за власть меча в руках будущих консулов. Останемся верны закону и в панике не станем преступать его. Мой совет — не отпускать этих людей, чтобы тем не увеличивать ресурсов Катилины, а выслать на всю жизнь в большие итальянские города под строгий надзор и тяжелую ответственность горожан на случай победы. И дальше я предлагаю провести декрет, выражающий наше мнение о том, чтобы в будущем ни в сенате, ни в народном собрании не делались никакие предложения касательно их; и что игнорирование этого декрета должно рассматриваться сенатом, как государственная измена^{*)}.

Заколебалась многие видные сенаторы. Цезарь поддерживал — новозбранный претор Квинт, — брат Цицерона, — попытался назад консул Силаний, высказавшийся за отсрочку решения дела, вместе с Тиберием Нероном, — дедом знаменитого диктатора Нерона.

Катон, — враг «всякой несправедли-

вости» — был неумолим. «Заговорщики признали свою вину. Наши законы допускают наказание преступника без суда, который был схвачен на месте преступления. Эти люди очутились в подобном же положении, и мы имеем право казнить их».

Большинство колебавшихся сенаторов встало на сторону Катона, и решило немедленно казнить заговорщиков — катилинцев. Цицерон и другие чиновники увели пятерых смертников в тюрьму под Капитолием, где все они немедленно же были задушены.

Юлий Цезарь проиграл бой в сенате. Его окружила уже сенатская стража с обнаженными мечами. Ему угрожала расправа. Друзья Цезаря поспешили ему на выручку и своими телами и тогами защитили от мечей рыцарей.

Плутарх говорит, что Цезарь не был убит при этом случае только потому, что Цицерон, бывший тогда консулом, не подал страже условного сигнала, а только отрицательно покачал головой, считая очевидно подобную расправу незаконной и несправедливой.

Несколько дней спустя, в сенате уже было выдвинуто формальное обвинение против Цезаря в причастности к заговору Катилины. Один из обвинителей — Веттий — даже обещал представить сенату собственноручное письмо Цезаря к Катилине. Цезарь ловко отпарировал направленный против него удар, составившись на Цицерона, которому, как консулу, он будто-бы открыл некоторые детали ставшего ему известным заговора Катилины.

Прения по этому делу затянулись до поздней ночи, собравшаяся у сената огромная толпа требовала освобождения ее любимца Цезаря. Наказать его уже нельзя было. Вышедший из сената его обвинитель Веттий был разорван толпой на куски. Юлий Цезарь почувствовал под ногами твердую почву. Он уже был самый известный и популярный человек в Риме. Правда, сенат все еще мешал ему, но уже побаивался этого новоявленного Марка.

^{*)} Julius Caesar by W. Warde Fowler, M. A.

Встревоженные патриции делали все зависящее от них, чтобы одернуть Цезаря, не допустить его выбора на высшие должности и в особенности — не дать в его руки армии и управления какой-либо подвластной Риму провинцией.

Цезарь настойчиво стремился ко всему этому. Он добивался назначения его генерал - губернатором в Египет. Сенат воспротивился этому. Цезарь заскандалил, стал устраивать показательные процессы над сулловцами, прибегая к помощи подкупленных им лжесвидетелей. Народ, конечно, горой стоит за своего благодетеля. Слава Цезаря растет.

Не удалось ему добиться осуждения ни Робира, которому он мстил за участие в подавлении мятежа, ни Квинтия Катула, другого ставленника сената, которого он обвинял в расхищении общественных сумм. Чтобы еще больше раздражить патрициев, он, будучи уже претором, горячо отстаивал в сенате законопроект народного трибуна Метелла крайне революционного характера, представлявший покушение на права и привилегии патрициев.

И претор и трибуа за подобное поведение были устранены от своих должностей. На другой день у дома Цезаря собралась огромная толпа, ожидавшая только его знака для нападения на сент. Цезарь удержал ее от погрома. Благодарные за это охигматы восстановили его и трибуа в должностях.

По истечении преторства Цезарю отдают в управление отдаленную испанскую провинцию. Едва вырвавшись из рук осаждавших его должников, Цезарь поспешно направляется в Испанию, подавляет вспыхнувшее там восстание и с такой же успешностью возвращается обратно в Рим, чтобы совершить триумфальный въезд и выставить свою кандидатуру на консульских выборах.

В сенате восстали против подобных планов Цезаря: триумфатор, по римскому закону, не может участвовать в выборах, Цезарь должен войти в Рим без триумфа, если он желает выставить свою кандидату-

ру в консулы. Катон проораторствовал целый день, доказывая незаконность притязаний Цезаря. Цезарь пренебрег триумфом и выставил свою кандидатуру в консулы.

Он вступил в союз с другим некатолем консульской должности — Люцием — Луцием (Лукаулл — имя ставшее нарицательным), человеком очень богатым, но мало известным. Популярность Цезаря и деньги Луциния — должны были обеспечить им обоим победу на выборах. Нанутанные этой комбинацией патриции, выставили кандидатуру Марка Бибула, и не остановились ни перед какими затратами на подкуп избирателей, чтобы иметь коллегой Цезаря ставленника аристократической партии. Цезарь и Бибул были избраны консулами.

Борьба между патрициями и Цезарем все более обострялась. Цезарь ищет себе новых союзников. Для борьбы с сенатом создается триумвират (тройка) из Цезаря, Марка Красса и обиженного сенатом знаменитого полководца Помпея. Договор их сводился к тому, чтобы никакой шаг не был предпринимал в государственном управлении, если он не встретит одобрения всех троих союзников.

Вскоре в сенате почувствовали усиление могущества Цезаря. В качестве консула он покушается на привилегии помеников - патрициев, предлагая наделить безземельных пролетариев участками земли. А когда второй консул, Бибул, чтобы затормозить проведение земельного закона сослался на плохое небесное предзнаменование, то Цезарь, опираясь на Помпея и Красса, с помощью вооруженных людей, изгнал его из Форума.

На другой день Бибул в сенате жаловался на насильственные действия Цезаря, но сенаторы уже были настолько запуганы, что никто из них не осмелился проронить даже одного слова в осуждение Цезаря. Все это навело на Бибула такой страх, что до истечения срока консульства (консул избирался на год) он не покидал своего дома, и время от

Национализм или антисемитизм

Говорят, что русская колония в Америке ударилась в сторону национализма. Верно. Спорить против этого не приходится. Но что собой представляет этот национализм? Каков его характер — его внешний вид и внутреннее содержание? Вот вопросы, на которые следует попытаться дать ответ.

Кто хорошо знаком с русской колонией, связан с ней не только социально, но и кровными узами, для того ясно, что никакого национализма в рядах колонии нет. Слово «национализм» треплется со

времени в своих прокламациях возвещал населению о плохих небесных предзнаменованиях.

Союз с Помпеем Цезарь закрепил выдачей за него замуж своей дочери Юлии, а сам после развода с изменявшей ему Помпеей (жена Цезаря на выше подозрений) выгодно женился на дочери богача Пизо и добился избрания его на консульскую должность.

Вождь аристократической партии Катон забил тревогу: высшая власть в Риме prostituteруется, достигается посредством браков; избирают друг друга на должности, на командные посты, получают в управление провинции через женщин, по кумовству, благодаря родственным связям.

Предвидел Катон пагубные последствия подобной политики: не вражда, а дружба Цезаря и Помпея — этих ненавистников аристократии — приведет к гражданской войне, как только им удастся свергнуть власть аристократии. Так оно и случилось в древнем Риме, почти две тысячи лет назад, так оно бывает и в наше время, когда единомышленники и друзья, одержав победу над общим врагом, впоследствии затевают драку между собой и превращаются в смертельных врагов.

(Окончание следует).

М. Рубежанин.

решиено все, служит лишь ширмой, за которой скрывается что-то иное. Что-то это «иное»? А вот что: антисемитизм. Самый махровый, самый ядовитый антисемитизм отравляет нашу колонию.

За примерами ходить далеко не приходится. Когда фашисты захватили власть в Италии, наша колония отнеслась к этому событию равнодушно. Почему? Потому, что Муссолини не выступил против евреев. Но вот когда фашисты появились в Германии, захватили власть и начали преследовать евреев, колония наша зарукоплескала. Послышались возгласы: «нам нужен свой Гитлер!» Заметьте: не Муссолини нужен, а Гитлер. Оба они националисты и диктаторы, но один из них приемлем, а другой нет, ибо один — антисемит, а другой — нет.

Прислушиваясь к бесогласным колониальным препирательствам, тоже не трудно заметить, что все доводы националистов базируются на ненависти к евреям. Правда, в печати об этом не говорится. Но это как раз не плюс, а минус «национальномыслящих». Этим доказывается, что антисемитизм это — что то такое плохое, о чем стыдно выступать на страницах газет, по крайней мере, тех газет, которые преследуют кое-какие культурные цели.

Как видно, антисемитизм и культуропонятия совершенно несовместимые.

Чем же обуславливается антисемитизм? Чем он вызван в рядах нашей колонии? Чтобы ответить на это, нам нужно вспомнить как мы росли и как нас воспитывали. Большинство из нас — выходцы из деревни, — той деревни, в которую не проникли ни свет знания, ни гуманитарные идеи. Деревня жила в темноте, нищете и невежестве. И как результат этого «жизд» считался нечадием ада. Им пугали маленьких детей, о нем рассказывали разные сказки и небылицы. Евреям приписывали и то, что они бога убили, и то, что они с чертями водятся. Конечно, обвинять в этом наших

предков нельзя. Они сами не знали, что торговали. Вся вина падает на те безпросветные условия, в которых наши предки жили.

Следовательно, антисемитизм мы вины тали с молоком матери. Кто из нас не помнит тех причуд, граничащих с хулиганством, которые мы в детстве устраивали евреям. На проходившего по деревне еврея мы бросали грязью, сквернословили и натравливали собак. Школа, в которой мы учились, ничего не дала нам в этом отношении. В школьных учебниках много говорилось о вероуподобничестве чувств к царям, но ничего не говорилось о чувствах человекоубийства. Гуманитарные идеи и подлинное просвещение совершенно отсутствовали в наших школах.

И вот такими морально искалеченными мы приехали в Америку. Такими и жили здесь вплоть до русской революции. Революция встряхнула нас. Мы проснулись и ринулись в организации — кто в социалистические, кто в анархические. Там мы нашли литературу об интернационализме, там мы услышали слово о человечности и гуманизме. И от нашего антисемитизма не осталось и следа. Мы стали интернационалистами и гуманистами.

Увы, это продолжалось недолго. Революционный взрыв постепенно начал охлаждаться. Пришло разочарование, а вместе с ним и прежние чувства — антисемитизм.

Вот откуда вытекает антисемитизм русской колонии, вот родословная этого позорного явления. Это очень легко подтвердить на практике. В тех местах, или же группах, где не умерли идейные чаяния и стремления, там нет антисемитизма. Там же, где разочарование окончательно

разорило веру в идеал, там антисемитизм цветет пышным цветом.

Вывод отсюда таков: там, где торжествуют гуманитарные идеи — в частности, идеи анархизма, как высшей формы гуманизма — там не может быть места для антисемитизма; там же, где этих идей нет, там прививается антисемитизм. Следовательно, антисемитизм — явление антигуманитарное, античеловеческое и, конечно, антианархическое.

Уяснив причины возникновения антисемитизма, нетрудно отыскать средство борьбы с этим злом. Средство это — пропаганда наших анархических идей. Нам, анархистам, до сих пор не сложившим своего знамени, до сих пор продолжающим оставаться на сторожевой вышке, — необходимо в настоящее время направить все усилия для пропаганды наших идей, ибо не менее того, как идеи наши будут развигиваться — будут исчезать проводники всякого мракобесия, в том числе и антисемитизма. И я думаю, что журнал «Пробуждение» может оказать нам в этом отношении огромную услугу. Ведь это почти единственный печатный орган на русском языке, сохранивший свое идейное знамя в полной чистоте.

Таким образом, мы приходим к следующему заключению:

1. Национализм в русской колонии нет, есть антисемитизм.

2. Антисемитизм был привит нам в детстве той средой и обстановкой, в которой мы жили.

3. Антисемитизм умер, когда мы стали революционерами и идейно — мыслящими людьми.

4. Он снова воскрес там, где умерли революционные и гуманитарные идеи.

КОЛОКОЛЬЦЕВ.

Угроза новой мировой войны «ВЕЛИКАЯ» ПОЛИТИКА МУССОЛИНИ

Италия занимает территорию почти в 120,000 кв. миль, ее население — 43 миллиона душ, из которых свыше 3 миллионов — инородцы: славяне, немцы, французы, евреи, греки. Плотность населения — 350 человек на 1 кв. миль. Густота населения является одной из главных причин огромной итальянской эмиграции за-границу. До мировой войны Италия выбрасывала в год по 1,5 млн. человек, главным образом, в Северную и Южную Америку. По официальным данным, в настоящее время находится за-границей около 10 миллионов итальянцев, из которых — 2 миллиона в Соединенных Штатах.

Несмотря на ударную кампанию Муссолини, поощряющего деторождение итальянцев разными премиями и льготами и разрешившего вступление в брак 14-летним девушкам и 15-летним юношам, согласно официальным данным, процент рождаемости в Италии упал за 14 лет с 12 до 9%, и прирост населения с каждым годом замедляется.

Италия — страна земледельческая. Земельный фонд ее составляет свыше 76,5 млн. акров, из которых 8% земли непригодной для земледелия. Из удобной земли 18 миллионов акров отведены под яровые хлеба, 17 млн. — луга и пастбища, 5 млн. — сенокоса, 10 млн. под паром, 14 млн. под рощами и лесами, 4 млн. под садами и 3 миллиона — виноград. Под виноградниками находится 2,5 млн. акров с продукцией в 45 миллионов гектолитров вина — около 2 миллиардов галлонов, а под оливковыми деревьями — 2 миллиона акров с ежегодной продукцией свыше 200,000 метрических тонн оливкового масла.

В Италии насчитывается 4 миллиона крестьянских хозяйств, преимущественно в северной Италии, 10 млн. овец, 7 млн. коров, 3 млн. свиней, 2 млн. коз, 1 млн. лошадей, 0,8 млн. ослов, 0,5 млн. мулов

и 15,000 буйвалов. Валовая продукция итальянского сельского хозяйства составляет 1,500 миллионов долл. с чистым доходом в 250 миллионов долларов.

В Италии насчитывается около 0,8 млн. промышленных предприятий с 4 млн. рабочих и свыше 0,8 млн. коммерческих предприятий с 1,6 млн. служащих. Текстильная промышленность Италии имеет 5,5 млн. веретен и 150,000 ткацких станков, в ней занято около 65,000 рабочих, а в шелковой индустрии насчитывается около 200 фабрик с 25,000 силовыми и 3,000 ручными ткацкими станками, на которых работает около 40,000 человек — преимущественно женщины, с продукцией в 80 млн. долларов.

Добывающая промышленность Италии очень бедна. Из 650,000 тонн употребляемого в Италии каменного угля добывается в самой Италии только половина этого количества. Железной и медной руды и вообще металлов — крупницы. Только ртуть добывается около 150,000 тонн, а серы — около 0,5 млн. тонн. Зато гористая Италия богата белым углем: ее электроэнергия достигает 11 миллиардов киловатт-часов или 80% силовой энергии Италии, обладающей 9 доменными печами, 60 пельтовыми и 113 крупными электростанциями.

Внешняя торговля Италии с каждым годом падает. Так, например, в 1929 году, итальянский импорт составлял 21,600 млн. лир, а экспорт — 15,235 млн. лир, в 1930 году — 17,300 млн. и 12,200 млн. лир, в 1931 году — 11,600 млн. и 10,200 млн. лир, в 1932 году — 8,200 млн. и 6,800 млн. лир, в 1933 году — 7,300 млн. и 5,900 млн. лир. Экспорт искусственного и настоящего шелка достигает 1 миллиарда лир.

Финансовое положение Италии не из блестящих. Внутренняя задолженность достигла 120 миллиардов лир, не считая 15 миллиардов лир, ассигнованных на общественные работы. Бюджетные расхо-

ды составляют 21 млрд. лир, а приход — 17 миллиардов лир. Ежегодный дефицит — 4 миллиарда лир. Денег находится в обращении на 12,500 млн. лир. По данным Итальянского Банка, за 11 месяцев 1934 года торговый баланс Италии значительно увеличился и составлял 2,185 млн. лир против 1,243 млн. лир в 1933 г. Это повело к учетке золота за границу и снижению золотого покрытия итальянской лиры на 1,529 млн., что и вызвало увеличение бумажного обращения. Банк Италии, указывая на 1,772 млн. лир, внесенных в Банк Англии в обеспечение расчетов по военным поставкам, которые английское правительство отказывается вернуть Италии до производства полного расчета по военным долгам, определяет золотое покрытие лиры в 41%, тогда как оно составляет только 30% вместо 40%, установленных законом. Чтобы спасти лиру от дальнейшего падения, Муссолини ввел 8 декабря 1934 года draconические законы ограничения для перевода валюты за границу. Но поскольку Италия не может обходиться без ввозимых из заграничных товаров и уменьшить свой импорт, постольку сокращение экспорта будет приводить ее к дальнейшему обострению финансового положения Италии.

Пути сообщения: почта и телеграф дают правительству ежегодно 160 миллионов лир дохода, а телефон около 6 млн. лир. Кроме того, в Италии имеется около 3 миллионов владельцев радиоприемников, уплачивающих по 75 лир в год налога. Железные дорожные линии Италии имеют протяжение в 10,500 миль, из которых 1,500 миль электрифицированы. На электрификацию железных дорог, рассчитанную на 10 лет, отпущено 230 млн. долларов. В апреле прошлого (1934) года была закончена сооружением новая электрифицированная железная дорога, соединяющая Флоренцию с Болоньей, протяжением в 61 миль. Эта двухколейная железная дорога имеет 40 мостов и 30 тоннелей, при чем один тоннель под Этрурией Аненинами имеет длину в 61,00 футов или больше 11,5 миль. Хороших

шоссеиных дорог Италия имеет 13,000 миль, а грунтовых — 100,000 миль. В октябре 1934 года закончены были постройкой две шоссеиных дороги в 40 футов шириною для грузовиков, между Миланом и Генуей — около 100 миль — и Генуей и Туринном — 102 мили. Стоимость постройки — 10,5 млн. д.

Торговый флот Италии состоит из 860 пароходов в 2,5 млн. тнр., 230 моторных судов в 625,000 тонн и свыше 200 парусных кораблей в 50,000 тонн. На субсидии пароходным компаниям Муссолини тратит ежегодно свыше 250 млн. лир.

Военный морской флот Италии состоит из 1 авиоплана, 4 линейных кораблей, 23 крейсера, 94 пистреботелей, 20 торпедных лодок, 55 субмарин и множества вспомогательных судов. Флот обслуживается 60,000 матросами, из которых 3,500 офицеры. На морское вооружение Италия тратит ежегодно 1,500 млн. лир. А воздушный военный флот Италии состоит из 3,000 самолетов и 25,000 летчиков, был имеет свыше 80 авиолетов и 90 аэродромов. Ежегодно на воздушное вооружение тратится 700 млн. лир, а на армию — 2,500 млн. лир.

Итальянская армия состоит из 11 военных корпусов — 20,000 офицеров и 300,000 солдат; армия, состоящая из волонтеров, имеет 40,000 офицеров и 100,000 солдат; фашистская милиция — 25,000 офицеров и 300,000 солдат; военная полиция — 1,000 офицеров и 50,000 солдат. Резервы — 5 млн. человек. Кроме того, декретом от 18 сентября 1934 года Муссолини ввел всеобщее обязательное военное обучение, начиная с 8-летнего возраста. Предварительное военное обучение детей школьного возраста и молодежи ведется фашистами в направлении духовной и физической подготовки их к войне. Дети разделены на две категории: от 8 до 18 лет и от 18 до 21 года. В первой стадии военное обучение производится в постоянном контакте с армией с целью дать детям и молодежи точное и ясное представление о военных задачах и ознакомить их с военной «славой», вызывая

этим интерес к военной службе и обучению. Вторая стадия заключает в себе законченное физическое и духовное воинское обучение: в 18 лет каждый итальянец рассматривается, как солдат, и обязан носить оружие. По отбытии воинской повинности военное обучение запасных продолжается еще 10 лет, чтобы этим сохранить в них военный дух, преданность армии да изучать новейшие методы военного искусства.

Авиационная смета на текущий 1935 год исчислена в 850 миллионов лир, а морская — в 1,300 млн. лир — соответственно больше на 130 млн. и 80 млн. лир.

Муссолини, изучивший за 5 лет методы и тактику большевиков, наклеивших на себя ярлык «коммунизма», стал их первым учеником и подражателем. В конце октября 1922 года он захватил власть и объявив себя диктатором Италии, начал широко применять излюбленные большевистские методы террора и подавления свободы. Подобно Ленину и его соратникам, Муссолини уничтожил все гражданские свободы — слова, печати, собраний, союзов и введена строгая фашистская цензура. Затем были уничтожены все городские, местечковые и сельские выборные самоуправления, а на их места посажены фашистские комиссары, как это было сделано большевиками в России. Уничтожив свободные рабочие союзы и отменив 8-часовой рабочий день, Муссолини, подобно Ленину и Сталину, воспретил всякие забастовки.

Подобно большевизму ЦИК-у, Муссолини образовал свой декоративный парламент, состоящий из 800 депутатов. Фашистские «выборы», как и большевистские, производятся диктаторским образом: фашистский верховный совет, как и большевистская централка, представляет список кандидатов, за которых и должны голосовать избиратели. Правом голоса пользуются те женщины, которые являются матерями и платят государству не менее 40 лир в год налога; мужчины также должны быть семейными, платящими не менее 100

лир в год налога или иметь государственных облигаций не менее, чем на 500 лир. В марте прошлого (1934) года за фашистских кандидатов голосовало свыше 10 миллионов таких избирателей, а свыше 15,000 человек имели мужество голосовать против фашистских кандидатов.

Фашистская партия насчитывает в своих рядах 1,5 млн. членов, в фашистских пионерах (до 14 лет) насчитывается 0,8 млн. ребят, в авангарде (от 14 до 18 лет) — около 0,3 млн. юношей. В других фашистских организациях насчитывается: детей от 6 до 8 лет — 270,000, девочек 8-13 лет — 600,000 и девочек 13-18 лет — 80,000

Положение рабочих и крестьян в фашистском, как и в большевистском государстве очень тяжелое. Итальянские рабочие заняты в легких индустриях, главным образом, — в текстильной промышленности. Всякий рабочий должен входить в состав профсоюза или синдиката, объединяющего всех рабочих той или иной промышленности, и независимо от того, принадлежит ли рабочий к синдикату или нет, — с каждого рабочего вычитывается членский взнос из его зарплаты, как и в СССР. Условия труда и размер заработной платы устанавливаются «коллективным» договором, заключенным между предпринимателями и «представителями синдиката», назначенными правительством, так как рабочие лишены права выбора своих представителей. Все споры между трудом и капиталом разрешаются назначенным правительством профсоюзными чиновниками, без всякого участия со стороны рабочих. От этих чиновников зависит передача споров и конфликтов на разрешение арбитражного суда, состоящего тоже из назначенных правительством судей. В случае потери работы пролетарий должен зарегистрироваться в казенной конторе по найму и ждать очереди. Рабочий не имеет права менять род занятий или переезжать из одного города в другой, а в особенности уходить из сел в города. В случае обнаружения безработного в другом городе, он высылается на

место своего жительства. Во всем точная копия большевизма! Рабочий день удлинен, зарплата снижена и составляет ныне 85% зарплаты 1924 года, а заработки батраков еще больше снижены.

Количество безработных в Италии увеличивается с каждым годом. Так, в 1931 году по официальным данным безработных насчитывалось 600,000 человек, в 1932 году — 900,000, в 1933 году — 1 миллион, а в 1934 году — 1,330,500 человек. Безработные получают пособие от 1 до 3 лир в день. Чтобы безработные не баловались, Муссолини предпринял меры для проведения общественных работ: постройка гидро- и электрических станций, шоссе и железных дорог и осушка болот — 5 миллионов акров, из которых 2 миллиона осушены, а также целый ряд других работ.

Без разрешения правительства предприниматели не могут расширять свои предприятия или сооружать новые фабрики и заводы: решающее слово принадлежит Муссолини. В каждой отрасли промышленности все предприниматели объединены в торговые палаты. Членство и взносы в них обязательны для всех. Рабочие синдикаты и хозяйские организации находятся под контролем правительства, которое в фашистском корпоративном государстве, как и в большевизме, — самодовлеющее.

В прошлом году производство риса, кукурузы, картофеля и сахарной свеклы было снижено по сравнению с предыдущим годом, за исключением пшеницы, урожай которой составлял 81 млн. кинталов или 8,1 млн. метрических тонн. Урожай кукурузы — 2,5 млн. метрических тонн, картофеля — 2,4 млн. метрических тонн, сахарной свеклы — 2,1 млн., риса, овса и фасоли по 0,6 млн., ржи, ячменя — по 0,2 млн., конопля — 50,000 м. тонн, сбор каштанов — 0,6 млн. м. т., добыто сахара — 0,3 млн. м. т., искусственного шелка — 3,000 м. тонн. Средний урожай пшеницы с гектара 16 кинталов, а в СССР — 9 кинталов.

О положении итальянского крестьянства и о том, как оно живет, можно судить по книге Игнацио Силоне — «Фантомара», в которой изображен яркими красками крестьянский быт сегодняшней Италии. («Фантомара» — это бесформенные, разрушенные и почерпшие от времени лачуги с ветхой крышей и единственным отверстием, служащим одновременно дверью, окном и дымовой трубой. В этих лачугах спят, едят и живут вместе мужчины, женщины, дети, козы, петухи и ослы. Это чудовищная нищета!.. Но, несмотря на это, фашисты, как и «коммунисты», отнимают у крестьян последнее, а когда крестьяне, отчаявшись, поднимают восстание, им затыкают рот обещаниями и посылают против них карательные отряды.

Несмотря на вопиющую нищету рабочих и крестьян, составляющих 90% населения Италии, несмотря на обострившийся экономический кризис и финансовые затруднения, Муссолини вооружается до зубов и старается играть в европейском политическом концерте — первую скрипку.

Как известно, с приходом к власти фашизма с его террором и удручением свободы в Европе началось отчуждение от Италии, которое грозило ей полной изоляцией. Чтобы не очутиться в одиночестве, Муссолини выбросил лозунг, что фашизм есть товар внутреннего потребления Италии, и что для большого его потребления должна расширить свои границы. Отсюда вытекали частые крикливо-войнаственные речи дуче. С победой фашизма — нацизма в Германии акции Муссолини повысились, а в связи с тревогой, поднятой в Европе гитлеровской Германией, ценность Италии, как фактора европейского равновесия, также значительно повысилась. По этому честолюбивый итальянский диктатор Муссолини выдвинулся в первые ряды.

В мае 1933 года Муссолини заключил со Сталиным дружественный торговый договор, затем он усилил свою деятельность по созданию итальянского бло-

ка держав. С этой миссией был послан в поездку по Европе товарищ министра интел.—Сувич, который и подготовил почву для Гимекской конференции премьеров Центральной Европы. 17 марта 1934 года в Риме было подписано экономическое соглашение о так называемом континентальном пакте, установившем общую внешнюю политику Италии, Австрии и Венгрии, а также консултацию по важнейшим вопросам. От Англии и Франции Муссолини добился согласия поддерживать номинальную независимость Австрии, так как присоединение ее к Германии, чего так добивается Гитлер, или заключение с ней англуса было бы невыгодно для Италии, боящейся потерять австрийский Тироль и усиления Германии, границы которой соприкасались бы тогда с Италией. Эта боязнь заставила Муссолини делать политическую перегрушировку посредством дипломатической игры и давления. Расправа убитого нацистами Дольфуса с австрийскими социалистами была первым шагом в кампании нового плана Муссолини. За эту расправу вице-канцлер Фей был награжден венгерским диктатором Хорти знаками отличия и орденом.

Сейчас же после заключения политического и экономического соглашения между Италией, Австрией и Венгрией, по которому Австрия гарантирован свободный порт в Триесте, а Венгрия — в Фiume, Муссолини выступил с большой речью, в которой он, касаясь внешней политики Италии, обещал Венгрии поддержку в ее борьбе за возвращение отнятых у нее территорий, что касается Австрии, то она «всегда может рассчитывать на поддержку Италии, которая не пощадит ничего, чтобы помочь ей». Это значит, что Будапешт и Вена будут отныне выполнять в точности все поручения Муссолини, одной из целей которого является также создание в Австрии и Венгрии корпоративного государства, что обеспечит им более тесный союз с Италией и вооружение их Муссолини.

Гарантия политической «независимости» Австрии и Венгрии в союзе с Итали-

ей является пресечением германской экспансии, которой боится также и Франция, согласившаяся с Муссолини, потому что Австрия и Венгрия с военной точки зрения являются стратегическим перекрестком центральной Европы, плацдармом, где скрещиваются стратегические пути Италии, Германии и Франции, обладание которыми дает огромные преимущества в случае войны. Франция и Малая Антанта — Румыния, Югославия и Чехословакия — заинтересованы в независимости Австрии и Венгрии лишь потому, чтобы сохранить себе связь через них. В соревновании за обладание Австро-Венгрией лежит гарантия их самостоятельности и угроза войны. В случае конфликта с Италией положение Малой Антанти станет затруднительным, так как железнодорожная связь между Чехословакией и Югославией будет прервана и силы Малой Антанти раздроблены. Экономическими выгодами Муссолини все же надеется склонить на свою сторону Чехословакию и Югославию.

В общем, за последнее время Муссолини стал «вождем» прохвостов в дипломатической игре, от которой зависит судьба многих миллионов людей. Будущее Италии Муссолини видит на Востоке — в Азии и Африке, где дуче решил расширить итальянские владения. В этом и заключается секрет абиссинской авантюры, связанной с японской экспансией.

Сам дуче и итальянская печать неоднократно выступали и проводили кампанию против пополозновений японских империалистов в Африке и против японского засилья и доминанга, так как Япония вытесняет Италию с мировых рынков. Прошлогодние дополнительные ассигновки в 2 миллиарда лир (86 млн. долларов) на усиление морского и воздушного флота были вызваны угрозой Японии нарушить равновесие морских сил в Средиземном море, ибо Япония продолжает строить военные суда для Турции и Греции. За короткое время Япония захватила в Абиссинии весь рынок и с каждым днем укрепляется там все больше и больше, тогда как Италия считает Абиссинию вхо-

дящей в сферу итальянского влияния.

На Абиссинию Италия обратила внимание в 70-х годах 19-го века. В 1879 году она приобрела на африканском берегу порт Ассад в Эритрее, а затем пошло дальнейшее продвижение Италии в Абиссинию. По договору 1889 года, подписанному абиссинским негусом Манеликом, отказавшимся от захваченной Италией Эритреи и признавшим протекторат Италии над Абиссинией, итальянское влияние стало усиливаться, но по просякам Англии договор этот был расторгнут и окончился войной. По новому договору 1896 года Италия признала независимость Абиссинии, которая заключила торговые договоры с Англией, Францией, Австрией, Германией, США и т. д. Затем по лондонскому соглашению 1908 года сферы влияния в Абиссинии были разделены между Англией, Францией и Италией: англичане взяли в свои руки финансы, французы — железные дороги, а итальянцы — почту и телеграф. Но после мировой войны на Абиссинию появились новые претензии.

Так как Япония, утвердившись в Абиссинии, имеющей не только экономическое, но и стратегическое значение, в случае войны на Тихом океане, может захватить Баб-эль-Мандебский пролив и прервать связь между Европой и Дальним Востоком, что было бы большим ударом по Англии и Франции, то последние предоставили Муссолини свободу действий в Абиссинии. Как известно, Италии все время добивалась пересмотра Версальского договора, вследствие неполучения обещанного ей тайным Лондонским договором, подписанным 9-го мая 1915-го года Англией, Францией, Россией и Италией и предусматривавшим «справедливое уравнение» итальянских территорий в Африке: Ливии, Эритреи и Сомалиланде. С приходом к власти Муссолини и усилением военной мощи Италии все чаще напоминал своим бывшим союзникам о причиненных Италии несправедливостях, результатом которых была натянутость франко-итальянских отношений. По январско-

му соглашению, состоявшемуся в Риме между французским министром индустриализации и фашистским диктатором Муссолини, Франция удовлетворила Италию, уступив ей часть своих колониальных владений — огромное пространство земель, известное под именем Тибести и граничащее с итальянской Ливией, площадью в 44,500 кв. миль, а также предоставила ей выход из итальянского Сомали в Аденский залив, Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море и к острову Думерах. Но главный подарок Муссолини получил от англичан и французов, предоставивших ему свободу рук в Абиссинии или Эфиопии.

Колониальные владения Италии находятся в Средиземном и Эгейском морях — острова — и в Африке. По величине территорий Ливия — самая обширная. Она занимает пространство в 640,000 кв. миль с населением в 800,000 человек, граничит на севере с Средиземным морем, на востоке с английским Египтом, на западе — французским Тунисом и Алжирией и на юге с французской Экваториальной Африкой. Эритрея омывается Красным морем, граничит на западе с англо-египетским Суданом, на востоке — французским Сомалиландом и на юге с Абиссинией; территория — 45,400 кв. миль, население около 700,000 человек. Самалиланд на протяжении 1,110 миль омывается Индийским океаном, граничит на юге с английской Кенийей, на западе с Абиссинией и английским Самалиландом, а на севере омывается водами Аденского залива; территория — 200,000 кв. миль, население — свыше 1 млн. душ. 14 островов в Эгейском море, площадь — 980 кв. миль, население — 150,000 человек; Родос укреплен.

Еще до заключения январского франко-итальянского соглашения Франция, стараясь улучшить отношения с Италией, дала последний заем в 172,950,000 долларов и вскоре ожидается новый заем в 260 млн. д. Кроме того, Франция старается также улучшить итало-югославские отношения, обстригшиеся после убийства 9

октября 1934 года югославского короля Александра. После подписания соглашения Франция перевела почти весь свой флот из Средиземного моря в Атлантический океан и предоставила большую свободу действий Италии в Средиземном море. Все это дало возможность Муссолини приступить к более решительным действиям в Африке.

Было спровоцировано нападение абиссинцев на итальянский пост, оскорблена честь великой державы и Муссолини, мобилизовав 250-тысячную армию, отправил в Эритрею для расправы с абиссинцами 30-тысячную армию с танками, броневиками, орудиями, пулеметами и большим количеством аэропланов, срочно улетевших туда-же. Война с Абиссинией в 1896 году была для Италии неудачной. За Абиссинией была признана независимость и разделены сферы влияния, а после мировой войны была принята в Лигу Наций. Англо-итальянский договор 1925 года передал Абиссинию в сферу итальянского влияния, а итало-абиссинский договор дружбы 1928 года предотвращал конфликт. Еще в конце сентября 1934 года абиссинский посол в Риме — Неградеас Иезус заверил, по приказу негуса Хайле Селассье, Муссолини в друж

бе абиссинцев к Италии, а дуче дал такие же заверения негусу. Ныне же — открытый конфликт между «друзьями».

Муссолини потребовал от негуса официального извинения, салюта итальянскому флагу со специальной церемонией, вознаграждения семей убитых в столкновении с абиссинцами итальянских солдат и земельных уступок Италии. Пока что идет дипломатический торг и отправка итальянских войск в Эритрею и Сомали, на границах которых сосредоточена 35-тысячная (абиссинская) армия, располагающая 6 самолетами, 6 броневиками, 100 орудиями и 250 пулеметами. Абиссиния может выставить миллионную армию, а Италия готова мобилизовать 8-миллионную армию, о чем 27 февраля заявил Муссолини, издавший новый декрет, по которому мобилизации подлежат все итальянские граждане от 18 до 55 лет, а заводам дан приказ усилить военное снабжение. В первую очередь на фронт будут отправлены безработные. Этим дуче надеется достигнуть двух целей: окончательно покорить Абиссинию и избавиться от безработных. Таковы уж стремления и цели всех диктаторов.

Н. Ф. ГОРИН.

ПЕСНЯ МАХНОВЦЕВ 1)

(На мотив «Стенька Разин»).

Из-за холма, из-за леса,
На тачанках вдоль реки
Вереницей бесконечной
Выезжают мужики.

Вперед! Махно суровый —
Вдохновитель боевой —
Криком грозным увлекает
Всех повстанцев за собой:

«Подымайся, люд голодный,
«На Кадета, — ведь злодей
«Захотел отнять свободу
«У трудящихся людей.
«Мы за равенство, за братство,—

«За советский, вольный строй,—
«За бездомных и голодных,
«На буржуев ринем в бой.

«Наш поход победой кончит:
«Наша сила — весь народ,
«Наше право — справедливость...
«Гей, трудящийся, вперед!»
Иван Карташев.

*) Песня эта написана рабочим-анархистом, преследовавшимся все время коммунистической властью и погибшим вместе со своей беременной женой, весной 1921 года от рук коммунистов — большевиков.

АНАРХИЗМ И КОЛОНИЗАЦИЯ

С давних времен борьба за существование в человеческом обществе идет, главным образом, в двух направлениях. в создании и потреблении средств к жизни.

Борьба в человеческом обществе, в отличие от борьбы в мире животных, всегда тяжелее и упорнее тем, что люди не довольствуются исключительно одной только пищей. они имеют еще и высшие культурные и духовные — потребности.

Для того, чтобы люди могли существовать, они должны иметь не только пищу для еды, воду для питья, но и платье для нагого тела, и кров для жилища. С достижением этих культурных потребностей и удобств, люди, движимые сознанием жить лучше и разумнее, развивают в себе также и духовные интересы: они, например, посещают театры и лекции, знакомятся с литературой и поэзией и т. д.

Борьба за существование, как единственный закон жизни, безраздельно царствующий в мире животных, в человеческом обществе не принимает столь звериного характера и всегда почти подпадает под влияние, благодаря началам взаимопомощи, сотрудничества и солидарности. И зная, что в одиночку они слабы и беспомощны, люди обыкновенно объединяются вместе и общими силами ведут борьбу за свое существование.

Стремление к различным жизненным улучшениям играет большую роль в общем культурном развитии людей. Всякое отдаленное улучшение входит, так сказать, в кровь и плоть людей, становясь неизменной привычкой и потребностью, без которой люди не могут жить. С ростом таких человеческих потребностей растет и ширится уже социальная борьба людей за существование, направленная к достижению лучшей и свободной жизни.

Но установлению такой жизни всегда мешали причины экономического и политического рабства людей, причины, кроющиеся в существовании власти и права частной собственности на средства производства и потребления...

Еще греческий философ Платон правильно указывал, что для того, чтобы жить честной и справедливой жизнью, надо освободиться от мысли «мое» и «твое», державшей людей в цепях эгоистических и жужурных интересов.

В средние века другие мыслители и борцы также указывали на то, что рабство и нищета людей исчезнут только тогда, когда общество будет организовано на справедливых коммунистических началах. И в наше время уже сделано немало попыток практического осуществления гармоничной и разумной общественной жизни.

Практический опыт некоторых коммун или колоний до сих пор доказал, что организация более или менее успешной свободной общины может быть основана на следующих началах или принципах:

1. Внесение членами равных вкладов в общий фонд общины.

2. Предоставление членам наибольшей суммы счастья — физического и духовного.

3. Община должна придерживаться принципа неограниченной свободы: члены должны вступать в общину и выступать из нее в любое время.

4. Работа должна быть вольной, а не принудительной или навязываемой решением большинства. Для малолетних или антисанитарной работы должны употребляться по возможности механические средства, т. е. машины.

5. Все средства и продукты для удовлетворения физических и духовных потребностей должны сообща производиться членами общины; каждый должен трудиться согласно своим наклонностям и способностям, считаясь с общими интересами общины.

6. Собственность должна быть общественной: движимое и недвижимое имущество принадлежит всем вместе и никому в отдельности. Только продукты для непосредственных потребностей, выдаваемые членам, могут считаться личной собственностью получателей.

7. Права и обязанности членов общины — мужчины и женщины — одинаковы и равны.

8. Избираемая на определенный срок комиссия из равного числа мужчин и женщин должна следить за внутренним устройством и интересами общины.

9. Возникающие споры и неурядицы должны решаться мирным путем. Суд и наказание воспрещается. В случае большого преступления, член исключается из общины.

10. Дети, старики и вообще физические слабые члены пользуются некоторыми преимуществами и особым почетом общины.

К этим главным принципам надо прибавить еще два пункта, без сохранения которых свободная община не сможет долго существовать. Первый пункт касается общинного производства продуктов, а второй пункт — коммунистического разделения продуктов. Известно, что совместный, общинный труд почти всегда пользуется успехом среди людей с общественными интересами, и что анархо-коммунистический принцип «от каждого по способностям и каждому по потребностям» является наиболее лучшим и справедливой нормой среди других известных принципов.

Сохранение этих главных принципов, постепенное проведение их в практическую жизнь и мирное разрешение возникающих споров и конфликтов могут дать возможность свободной общине успешно продержаться известное время в пределах современного буржуазного общества.

Но наряду с возможностью организации свободной общины возникает также и невозможность долгого существования такой общины при теверншем капиталистическом строе. И вот почему: известно, что «успехи» всех существовавших и до сих пор еще существующих в некоторых местах мелких и даже крупных общин — не долговечны. Ко всем успехам общины всегда примешиваются неуспехи, неудачи и раздоры, нарушающие мирное течение общинной жизни. Известно также, что все более или менее свободные общины всег-

да основываются в силу утопических и полурелигиозных увлечений. Основатели общин стремятся стать «пионерами заблужденных людей», «глашатаями новых истин» и т. д. Но козь скоро общинники, вследствие различных причин, как различие темпераментов, споры, недовольство, теряют веру в своих избранников, их фундамент рушится вместе с устройством общинной жизни.

Другая ошибка общинников состоит в том, что они стремятся устроиться по образцу «великой семьи братьев и сестер». Ради этого они живут под одним кровом, где им приходится всегда оставаться в обществе все тех же «братьев и сестер». Но тесное сожительство людей, хотя бы идейно однородных, в одном месте — вещь нелегкая и вообще не целесообразная. Родные братья и сестры — дети от одних родителей — и те не всегда мирно уживаются вместе под одним кровом.

Общины не держатся долго еще по одной важной причине: они уединяются «от мира сего». Веря, что только они, общинники, хорошие и избранные люди, а остальной мир испорчен, ложен и несправедлив, они уходят от людей, от кипучей жизни и борьбы, забывая, что потребность жить общественной жизнью и принять участие в борьбе очень сильна среди людей вообще и среди молодежи в особенности. Молодые люди не всегда мирятся со спокойной и монотонной жизнью, в которой они видят одно только умственное отупение, часто равносильное духовной смерти.

Но самая главная причина гибели или распада общин состоит в том, что в своем устройстве они стремятся к установлению той или иной формы власти или начальства, что, с точки зрения анархизма, всегда является серьезным препятствием в практической жизни всех общин. Самое большое ожесточение между людьми всегда возникает на почве политического уклада жизни, т. е. из-за преобладания, руководства и власти, а споры из-за власти неизбежно ведут к гибели даже лучшие общины.

Ко всем этим перечисленным причи-

нам неуспеха и распада общины внутреннего характера надо прибавить еще и причины внешнего характера. Во-первых, никакое буржуазно-капиталистическое государство не допустит длительного существования свободной, анархической общины: оно всегда будет препятствовать ее затеям и предприятиям и, породив конфликты и неурядицы, в конце концов «растворит» ее и уничтожит, а факт насильственного уничтожения свободной общины, в свою очередь, докажет невозможность существования таковой; во-вторых, организация свободной общины требует идеальных и морально воспитанных людей, число которых очень незначительно даже среди лучших классов современного общества; в-третьих, устройство свободной общины отталкивает известный анархический элемент от анархического движения, тем самым способствуя его ослаблению; в-четвертых, ведя замкнутую и довольную жизнь, община не может воспитывать борцов за буду-

щий социальный строй, и, в-пятых, свободная община, являясь идеалом немногих утопиков, не в силах освободить людей от экономического рабства — этого источника всех зол, бедствий и несчастий. И вообще различные пробы и эксперименты рабочих на почве устройства коммуны, общины и колоний в пределах современного строя — попытки в большинстве случаев малоуспешные и не помогающие рабочим.

Поэтому, чтобы быть последовательными, анархисты должны отказаться от утопической идеи устройства анархической колонии в капиталистическом обществе и согласиться с правильной мыслью о коренном переустройстве этого общества на началах свободы, равенства и справедливости. Ибо только анархическое общество сможет обеспечить всем людям необходимые материальные и духовные потребности.

Л. ЛИПОТКИН.

И з м е н а

(Французскому народу посвящая).

«»

Народ, который творил Революцию,
Который всем сердцем Свободу любил,
Забыл свои устремления лучшие,
Эпоху Парижской Коммуны забыл.
Он ныне под грубою палкой капрала
«Отечеству» совесть и стыд продает,
Хоронит святые свои идеалы
И «Вечную память» Свободе поет,
Француз! Француз! Ведь это измена!
Кто может измену простить!
Для славы похабной, для славы презренной
Свободу и гордость забыть!
О, Франция—сердце рабочего мира!
Под невые военных бравур,
Ты строишь гигантские танки, мортиры,
Солдат посылаешь на Рур.
Локопав с защитой, ты жаждешь победы,
Войну превращая в разбой.
О, Франция—сердце! народные беды,
Как раны Христа, пред тобой.
Но что тебе ужас родного народа,

Который в героической борьбе
Лил алую кровь, как нечистую воду,
Пылал любовью к тебе.
Француз! Вам Франция грубо нагала!
Вы ныне в руках торгашей,
Восторженно строите храм капитала
На горах рабочих костей.
В стране Революций Свобода убила,
В парламенте хамство царит,
И звук Марсельезы насмешкою скрытый
Над Францией бедной звучит.
Подобно шуту, опьянев от успеха,
Ликует родная страна:
Средь оргий безумных, в кровавых доспе-

хах

Свой пыл расточает она.
Француз! Француз! Ведь это измена!
Ее невозможно простить!
Для славы похабной, для славы военной
Всемирное Братство забыть!

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

В ЧЕМ СИЛА АНАРХИСТОВ.

Сила анархистов не в количестве, а в качестве людей, принимающих участие в анархической пропаганде и в анархическо-социальной активности.

Но не всегда и не все анархисты помнят это и руководствуются этим основным положением анархизма. Часто многие, не отренившись еще от политического познания общественной активности, впадают в ошибку придавать значение материальной силе, как выражению сил и жизнеспособности анархического движения.

Но по большей части, все те, которые из каких либо соображений жертвовали сущностью идей временным необходимым, раньше или позже, в конце концов, должны были пожать плоды своих безответственных действий или вернутся вновь к основным положениям анархизма, если любовь к правде и к идеям преобладала в них, или, если ими владели только эгоизм и мелкие личные интересы, оставить движение, или даже уходить в стан врагов свободнических идей.

Особенно сильны были таковые явления в последние годы. И последствия этого опыта оказались самые печальные. Помимо того, что они внесли незероизмное разложение в анархические ряды, много хороших и ценных сил было потеряно для анархической активности. А борьба против этих явлений отнимала почти все внимание многих активных и идейных работников, отвлекая их от полезной, идейной и практической деятельности.

И находятся еще и теперь такие элементы в анархических рядах, которые вместо активной борьбы за анархический идеал, или борьбы против существующих общественных зол, предпочитают заниматься извращением анархизма и разложением анархических рядов.

Но имеется немало таких, которые в конце концов, сознали свои ошибки и поняли, что нельзя подчинять анархические идеи временным потребностям движения или группы, ибо зло, которое оно приносит идеям, несоизмеримо с той пользой, ко-

торую, в лучшем случае, оно сможет принести временно движению.

Некоторые-же, сиедаемые самолюбием, желанием руководить и управлять все еще не хотят сознать своих ошибок и продолжают разлагающую работу. И если даже ими иногда и руководит доброе желание работать для пользы движения, они в конце концов отклоняются от сущности идейной, а часто даже окончательно удаляются от анархизма.

Но пока зло сделано. Часть анархистов, не вполне еще усвоивших сущность идей, теряют почву в своей активности и блуждают иногда годы, пока находят опять путь к анархизму.

Особенно же печальна активность этих людей на практической социальной почве. От компромисса к компромиссу в их практической деятельности, они иногда доходят до полного отрицания анархизма вообще. А массы, следующие за ними теряются, а многие из них совсем разочаровываются и уходят от движения, а иногда даже превращаются в самых ярых врагов анархизма и анархистов.

Пережитый за последние годы опыт как видно ясно показывает, что недостаточно еще называться анархистом, а нужно еще чувствовать и прилагать его практически к жизни в той среде и в той активности, которую анархисты практикуют. Ибо идеал не только ценен потому, что он собой представляет в будущем, но так же и по тому нравственному воздействию, которое он оказывает на тех личностей, которые его воспринимают.

Не принять идеал, как нравственно-воздействующую силу на людей, сейчас же, это отойти от анархизма вообще и перейти в лагерь врагов анархизма, приняв их методы и способы действия и морально и психологически подпасть под их влияние.

Все богатство анархизма это — его идеи, и необходимо оберегать их от всех непозволительных извращений их или отклонить их от их нравственной и принципиальной

базы. Но ни в коем случае не превращаясь в нравственно узких людей или в немалых фанатиков.

Анархисты должны оберегать свои идеи, относиться к ним с любовью, но это ни в коем случае не означает, что они должны хранить их под ключом, как сундук свои богатства. Наоборот, должны сеять их повсюду, если даже иногда эти идеи и не попадут на подходящую почву, или их будут применять к жизни люди еще не совсем определившиеся или даже на словах не согласные с ними.

Чем больше людей будет проникаться, хотя бы частично идеями анархизма, чем больше будут вводить в практику отдельные принципы и взгляды свободнических, тем ближе будет осуществление анархизма. Ибо анархизм не политическая идея, не стремится к введению силой своих концепций, а идея социальная, общественная, которая сможет реализоваться людьми только практически, добровольным применением ее в своих взглядах, в своих действиях, в своих отношениях с другими людьми. Поэтому также анархизм не может измеряться количеством приверженцев и проповедников, а массами, практикующими, прилагающими на практике взаимную помощь, солидарность, терпимость, свободу, добровольность, взаимность и любовь; практикующими общественную солидарность и организующими разные общественные, экономические, культурные и социальные объединения, помимо Государства, на основах добровольности и взаимности.

И чем больше таких общественных, культурных, идейных и социальных, свободных от принуждения и официализма и добровольных объединений, тем больше дух анархизма проникает в массы и тем меньше чувствуют люди необходимость принудительных общественных и государственных организаций и, ясно, тем больше видит возможность осуществления безгосударственно - организованной общественной жизни и тем больше и теснее примыкают к анархизму. А многие из этих людей превращаются даже и в пропагандистов идей анархизма.

Поэтому весь интерес анархистов должен быть сконцентрирован на пропаганде идей анархизма, независимо от временных трудностей и стараться, поскольку возможно, чтобы действия анархистов и их поведение совпадали с их проповедями.

Всекие же желания превратить анархизм в политическое движение или увеличить его за счет его сущности могут дать не больше, как самые печальные результаты: разложение, усталость и уход из движения многих ценных и честных элементов. Пережитый опыт должен был бы чему-нибудь научить анархистов.

Ибо, если жизнеспособность какой-нибудь церковной религии, или авторитарной политической партии, тем меньше, чем больше сознательны массы, составляющие их, и чем больше активно - действующих их приверженцы и последователи, жизнеспособность анархического движения, наоборот, определяется сознательностью и активностью анархистов и сочувствующих.

В анархическом движении могут быть люди более активные и менее активные, более проникнутые и менее проникнутые анархическими идеями, более способные или менее способные на анархическую пропаганду и анархическую активность. Но никогда в анархическом движении невозможно разделение, существующее в церковных религиях или в авторитарных партиях, на вождей, которые думают и правят и на массы, которые слушаются чужих приказов и подчиняются им.

Чтобы это случилось, анархическое движение перестало бы быть свободническим и потеряло бы свою анархическую сущность. Вся сила анархизма именно в том и заключается, что всякий человек в анархическом движении уже сейчас есть добровольный и сознательный участник и сотрудник анархической общественной активности; что основа всей анархической мысли есть сознательность личности, ее свободное и добровольное проявление и объединение в интересах группы, общества и всего человечества; что каждый человек научается наконец мыслить сам, независимо от чужой воли, вырабатывает

свободно свои взгляды, действует согласно указаниям своей совести, живет свободной жизнью в добровольном и свободном общении с другими людьми, без нужды в начальниках и жандармах, и быть высоко нравственной развитой личностью.

Без этого, основанного человек не может быть анархистом, и движение будет церковным, политическим, партийным, но ни в коем случае анархическим.

Сила анархизма, и это нужно никогда не забывать, в анархических идеях. Чем больше распространяются эти идеи и чем глубже проникают в людские массы, тем более сознательно воспринимаются ими и тем больше гармония между этими идеями и практическим поведением приверженцев этих идей, тем более сильно и крепко будет анархическое движение и

тем больше возможностей будет иметься углублять и проникать эти идеи в народные массы.

И сильно ошибаются те, кто склоняется к тому, что можно что-нибудь разрешить или ускорить, применяя способы и методы, находящиеся в противоречии с анархическими принципами. Временные успехи, достигнутые таким путем, всегда достигаются сближаясь анархизму и анархистам.

Сила анархизма в его идеях, и только анархическими методами можно будет достигнуть расширения и углубления анархического движения и осуществления в жизни анархических принципов.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Буэнос-Айрес.

22 марта 1935.

Осуществим ли анархический идеал?

Большинство современного человечества признает анархический идеал красивым и разумным, но в то же время неосуществимым. Современным людям кажется абсолютно невозможным существование Общества, построенного на праве свободного выбора и договора; без власти закона и принуждения, без суда, полиции и армии. Им мерещится будто анархическое общество — общество вырождения и конца культуры.

Так как обычно теоретическое обозначение возможности существования анархического Общества мало убеждает людей, то я останавливался лишь на тех практических опытах построения свободного безвластного общества, которые имели место за последние сто лет.

В двадцатых годах прошлого столетия под влиянием пропаганды Р. Оуэна началось довольно сильное стремление к образованию свободных коммунистических общин, посредством которых Оуэн думал создать новый нравственный мир, взамен старого, поразившего в пороках и заблуждениях.

Это движение привело к организации нескольких подобных общин. Наиболее

известной из них является Нью-Гармонийская община равенства, которая просуществовав несколько лет, объединила около 1000 общинников. В ней был в полной мере осуществлен коммунистический принцип — каждому по потребностям, от каждого по способностям. Внутренний распорядок общины был таков, что в ней не было никакой власти и никакого органа, хотя бы издавала похожее на правительства современных государств. Вместе законодательного права в общине проводилось право договорное. Труд имел характер добровольного права и обязанности всех взрослых были совершенно равны. Суда не существовало и все разногласия и расхождения между членами разрешались путем дружеского соглашения. И несмотря на анархический, строго выдержанный, характер этой общины, в ней, равно и в других, ей подобных, не возникало ни одного преступления.

В сороковых годах прошлого столетия, в связи с учением Шарля Фурье, возникло движение, вызвавшее в течении пяти лет организацию свыше тридцати общин, именуемых фалангами, причем каждая фаланга объединяла от ста до двухсот чело-

рек. Фаланги — организации коллективистического типа и в своей основе очень близко подходили к общинам, построенным по принципам Оуана. Отличительными свойствами их был коллективизм и признание полного простора за человеческими страстями. Вся жизнь фаланги называлась общим собранием участников, а правление, избиравшееся для исполнения каких-либо технических поручений, могло лишь поставить какой-нибудь вопрос на обсуждение членов фаланги, а не требовать исполнения своего распоряжения.

И опять, несмотря на полную свободу членов фаланги, — а я бы сказал именно благодаря ей, — в фурьеристских общинах не замечалось ни упадка культуры, ни развития преступлений и пр.

Одиннадцать общин просуществовали свыше двух лет и из них Нортгемптонская ассоциация — 4 года, Брукская ферма и Висконсинская фаланга — по 6 лет, а Северо-Американская фаланга — даже 12 лет. Казалось бы, что сроки эти достаточны для того, чтобы доказать частичную осуществимость даже в пределах капиталистического строя анархического общества.

Можно возразить, что общины эти все-таки распались: значит, они не жизнеспособны. Но, во-первых, ликвидация их вызвана была специфическими особенностями их организации. Главной причиной, вызвавшей ликвидацию, был упадок энтузиазма у общинников, и, кроме того, неспособенность интеллигенции, составлявшей главное ядро общины к физическому труду. А во-вторых, анархическое общество не есть застывшая масса организованных в первое время осуществлении анархизма общин.

Анархический строй допускает возможность распада отдельных анархических общин, и образования, на основе ликвидировавшихся новых ячеек анархического общества.

Не еще более интересный пример дает история ближайшего к нам времени. В 1898—9 г.г. в Канаду переселилось око-

ло 8,000 русских духоборов. В первое время они сильно бедствовали и в буквальном смысле этого слова голодали. Дело доходило до того, что за отсутствием рабочего скота, они вспахивали землю, отведенную им канадским правительством, нанимая по 12 пар в наут. Будучи мирными анархистами, очень близкими к толстовству, они прилагали все усилия, чтобы зажить общиной. Но тяжелые материальные условия являлись большим тормозом к достижению их идеала и только часть духоборцев, около 5,500 человек в первые годы жила коммуной. Но в 1904 году, с улучшением их положения, свыше 8,000 духоборов, образовали большую общину, объединившую 44 села (по 40 домов в каждом). Теперь количество духоборов, живущих общиной, превышает 10,000. Эта община, носящая название Христианской Общины Всемирного Братства, провела у себя все решительно анархические принципы, и как таковая, даже вынесла ряд столкновений с канадским правительством, не желая подчиниться требованиям государственных законов.

Это первое в мировой истории чисто анархическое общество, так как анархические принципы проводились ими не только внутри, но и вне ее. Как на характерное доказательство правильности последних утверждений можно указать на отказ членов Христианской Общины Всемирного Братства принять канадское подданство и платить налоги государству, при чем за отказ от принятия подданства община понесла громадный материальный ущерб, ибо правительство не замедлило отобрать предоставленную общине, в размере 120,000 десятин, землю, на улучшение которой община затратила свыше 10 миллионов рублей. И община перешла на новое место, приобретя за свои сбережения участки частных лиц.

Верховным органом управления общиной является съезд представителей отдельных сел. Все атрибуты современного общества совершенно отсутствуют. О быстром интеллектуальном прогрессе общины свидетельствует тот факт, что жен-

приз, бывшая ранее у духоборов загнаным, подчиненным существом, является неизменным, полноправным членом общины. Хозяйственный успех общины виден из отчетов. Так, за 1904 г. было приобретено 6 новых паровиков с молотилками, 50 жнеек, 32 сепокосилки, 109 плугов и много других сельскохозяйственных машин. Рабочих лошадей было приобретено в том же году 344, да кроме того, куплено племенных жеребцов.

Как видно из отчетов общины, часть инвентаря находится в непосредственном владении и распоряжении всей общины, часть во владении отдельных селений. Так, в 1905 году, во владении всей общины было 17 паровиков, 11 молотилок, 4 станка для распилки леса, 1 строгательный станок, 1 машина сеновзальная, 1 для выделки кирпичей, лесопильный завод, цементный завод, разнообразные постройки на станциях железной дороги и в городе Норконе и т. д.

Кроме сельского хозяйства, духоборы были заняты и разнообразными отраслями промышленной деятельности, преимущественно для своих собственных нужд.

Так, они пилили лес, выделывали кирпичи, цемент, черепицу, ткали из шерсти своих овец и т. д. Кое-какие промышленные изделия продавались на стороне (Туган - Барановский). Описывая общину, Туган - Барановский говорит: «Особое значение созданная духоборами

общественная организация приобретает благодаря тому, что собственно говоря, ее нельзя назвать общиной. Это нечто гораздо большее. Какая же это община, когда она объединяет многие десятки отдельных сел. Каждое отдельное село является, действительно коммунистической общиной. Но, объединенные в одно социальное целое, они уже являются чем то высшим, чем община».

Это уже не коммунистическая община, а коммунистическое общество, прообраз сложного коммунистического общества в больших размерах. И, притом, прообраз не принудительного государственного коммунизма, а наиболее свободного коммунизма анархического типа...

Недостаток места не позволяет остановиться на других организациях и, в частности, кооперации, напоминающих по своим принципам анархическое общество.

Но и этих примеров достаточно для того, чтобы можно было говорить об осуществимости анархического идеала. Эти яркие попытки говорят и за то, что строительство новых форм свободного общества уже началось и что анархическое общество не за горами. Скептики и маломыслы, убеждайтесь. Спящие пробуждайтесь. Пусть каждый, кому дорого будущее, положит свой камень в прекрасное здание будущей Анархии.

А. БЕРЗНЯК.

АНАРХИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

«Вангард» — анархический журнал, посвященный разработке безвластного коммунизма. Заинтересованным этим движением лицам высылается пробный номер для ознакомления. Годовая подписка — один доллар.

Vanguard, P.O. BOX 92,
Station D, New York City, N. Y.

Новый адрес

Международное Анти - милитаристическое Бюро переменило адрес:

Han Kuusten Hugo de Grootlaan 4
Heemstede — Holland.

Величайшее предательство

Когда в марте 1917 года в России пала монархия, народному ликованию, казалось не было конца: от умиления и радости люди целовались на улицах и роняли слезы, ибо это был праздник первой весны, праздник детских надежд и ожиданий.

Но когда прошли первые дни умиления и ликования, настали серые будни. Смена правительства и провозглашение республики не разрешили собой основных вопросов о социальной справедливости: о земле, орудиях и средствах производства. Система частной собственности и капитализма оставалась не тронутой. Временное правительство не решалось ни на какие реформы, вытекавшие из революционных действий рабочих и крестьянских масс, ибо оно хорошо понимало, что никаких социальных реформ дать не могло, а потому все жгучие и неотложные вопросы, требовавшие разрешения их только революционным порядком, оно откладывало на рассмотрение Учредительного Собрания, которое тоже не могло бы их разрешить, потому что отнятие помещичьих земель, нефтяных источников, шахт, рудников, фабрик, заводов и проч. без выкупа, несомненно, вызвало бы сопротивление буржуазии и привело бы к неизбежной гражданской войне. Эксплуататоры и угнетатели еще никогда не уступали добровольно ими награбленного и своих привилегий.

Россия, как известно, находилась в войне с центральными державами — Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией: она связана была международными договорами, которые требовали от нее определенных действий — ведения войны, в противном случае, союзники превращаются в неприятелей, лишают ее кредитов, отрезают от общения с внешним миром и сами набрасываются на нее, как изменницу, чтобы раскромсать ее на части. Поэтому временное правительство сосредоточило все свое внимание на вопросах внешней политики, направленной к сохранению так называемой национальной мощи

России и получения от союзников договорных привилегий и уступок за понесенные в войне миллионные потери жизнями и имуществом.

Однако о сохранении этой «национальной мощи» не могло быть и речи при обострившихся внутренних противоречиях и разладе. Выступавшие на арену социальной борьбы рабочие и крестьянские массы с требованием немедленной социальной справедливости — не желали даже и слушать об обязательствах царской России и об империалистических замыслах Миллюкова. Тогда как для союзников важно было, чтобы Россия осталась буржуазной республикой и выполнила свои обязательства до полной победы над Германией, которая в свою очередь старалась всеми силами вывести Россию из строя и переброшить все свои силы на западный фронт.

Левые революционные партии, агитируя за социальную справедливость и учитывая международное положение России, стояли также за необходимостью защиты своей страны от внешних врагов. Одновременно с ними действовали большевистские агитаторы и тайные немецкие агенты, старавшиеся главным образом разложить армию и флот. С разрешения главного немецкого штаба кайзер пропустил через Германию в «запломбированном вагоне» своего нового союзника Н. Ленина, который, разжигая низменные инстинкты местных, призывал к ненужным убийствам и стремился к захвату власти, сознательно обманывая пробо́таков. Как будто бы власть Ленина могла быть лучше любой другой власти. Еще ни одна власть в мире не сделала ничего доброго для народа, соками которого она питается и жиреет.

Революционные лозунги: «земля — крестьянам, а заводы и фабрики — рабочим» были подхвачены большевиками. Неискушенные в политике и плохо разбирающиеся в обстановке рабочие и крестьянские массы искренно поверили в лозунги и святость слов политических шарлатанов

и проходивцев, стремившихся попасть в историю путем величайшего предательства, обмана и измены и к захвату власти. Массы поверили в честность большевиков потому, что хотели достичь социальной справедливости: экономического и политического равенства в правах и обязанностях. Трудящиеся массы упустили из виду или не придавали значения требованиям Ленина о предоставлении ему диктаторской власти. Для чего она нужна была Ленину и Ко., если революционным образом произошла социализация земли,рудий и средств производства?!. Очевидная нелепость, но для Ленина важны были не лозунги, а тем более и осуществление, — а захват власти. Это было самым главным.

Большевики хорошо знали и знают, что захватили они власть в России величайшим предательством, обманом и изменой Революции и что в России — не все глупцы или нравственные дегенераты, поэтому, чтобы удержаться у власти, они начали уничтожать физически наиболее опасных или возможных противников, т. е. наиболее честных, последовательных, искренних и правдивых людей. Началось большевистское царство террора, предлагающегося зомбированный год.

Захватив власть, большевики поспешили, конечно, заключить с кайзером «похабный Брест-Литовский мир», отдав в рас-

поряжение немецкого командования всю Украину с Кавказом. Только анархист Нестор Махно был первым, кто повел войну против немецких оккупантов: удачными налетами он дезорганизовал немецкую армию на Украине, но благодаря предательству Ленина, Троцкого и Ко., немцы вывели из Украины много хлеба и всякого добра.

По окончании гражданской войны большевики ввели самую страшную реакцию и учредили самое отвратительное, средневековое - варварское, липово - искуственное, военное - политическое Государство, превратив всех граждан в РАБОВ последнего. Однако, несмотря на торжество большевистской реакции и всю ее свирепость — тюрьмы, ссылки и расстрелы, несмотря на то, что народы России физически поработены большевиками, — последним не удалось убить в них душу — стремление к СВОБОДЕ и социальной справедливости.

Чтобы удержаться у власти, Сталин широко развернул палаческую деятельность, подобно своему предшественнику Ленину. Очевидно, для диктатуры необходим постоянный террор рабочих и крестьян, ибо диктатура иначе и жить не может. Но чем больше она терроризирует народные массы, тем сильнее ненависть к ней и крепче борьба за СВОБОДУ, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО.

МАРК СТЕПНОЙ.

Посещение Америки Петром А. Кропоткиным

Нью-йоркская группа свободных шоперов решила в 1891 году пригласить Петра А. Кропоткина в С.Ш. для лекционного тура. Товарищ Золотарев принял на себя обязанность спесить с Петром А. Кропоткиным по этому делу.

Получив письмо с приглашением, Кропоткин ответил, что не может принять приглашения по следующим причинам: «Мое здоровье, — писал он, — не позволяет мне ехать третьим классом, что же касается кабинетов первого и второго классов, то я никогда не позволю себе ехать в них за счет товарищей, работающих в движении». И это было тогда, когда он имел большое желание посетить С.Ш. и встретиться с американскими товарищами.

Шесть лет спустя, осенью в 1897 году, мы были приглашены посетить митинг, который состоялся у товарища Джустуса Шваба для того, чтобы обсудить вопрос, касающийся письма, полученного от товарища Кропоткина.

По прочтении письма выяснилось, что тов. Кропоткин находится в Канаде, принимая участие в конференции Британской Научной Ассоциации. Он писал, что желает приехать в Нью Йорк и предложил нам устроить для него митинг, с предупреждением, не взимать высокой входной платы.

Тов. Эйдельман, архитектор по профессии, предложил сдать шикарный зал, находившийся на 18 улице и 5 авеню, считая, что это был самый подходящий район для того, чтобы привлечь американскую публику. Зал был снят и плата за входные билеты была назначена 25 центов.

Тов. Шваб предложил, чтобы пригласить в председатели митинга известного тогда, американского радикала — Джона Свинтона. Митинг был очень успешный.

Мы решили воспользоваться столь благоприятным случаем и попросили Кропоткина прочесть лекцию на русском языке «О философии и науке анархизма». Я должен сказать, что эта лекция являлась

чем то необыкновенным.

Тов. Кропоткин, после раз'яснения сущности этого вопроса, начал говорить о тактике. Здесь он подверг критике парламентские действия, и действия социал-демократической партии, которая часто говорит о пролетариате, оставляя крестьянство, составляющее 85 проц населения России, лишь только потому, что Карл Маркс признал его мелким средним классом. Этот митинг был так-же успешным. Посетили его больше 1,110 человек.

Входные билеты продавались по 15 центов. После всех связанных нами расходов, у нас осталось 125 долларов чистой прибыли, которые были направлены в швейцарскую группу анархистов для издания русских анархических прокламаций.

В пятницу, на следующий день, после лекции, мы собрались в доме товарища Золотарева, где присутствовало довольно много товарищей. Мы говорили о многих вопросах, включая и знаменитый вопрос о деле Дрейфуса, в котором были живо заинтересованы французские товарищи.

Тов. Кропоткин раз'яснил нам, что борьба, главным образом, происходит между католиками и монархистами — с одной стороны и республиканцами и либералами — с другой. В этот вечер мы все посетили банкет, устроенный клубом русских студентов в честь Кропоткина.

В ожидании начала банкета, мы все расселись возле тов. Кропоткина, где уже сидели известный профессор П. Гурович, д-р Ингерман и другие марксисты, пытавшиеся вызвать Кропоткина на дискуссию по поводу последней его лекции.

Кропоткин дал им понять, конечно, что их понятия не выходят за пределы марксистского суждения.

Второй раз посетил Кропоткин С. Ш. в 1901 году. Ловельский институт в Кембридже, Масс., пригласил его прочесть серию лекций «О русской литературе». Лекции позже были изданы отдельной книгой, под названием: «Идеалы и дейст-

тельность в русской литературе»).

Когда он закончил свою серию лекций в Кембридже, он приехал в Нью Йорк и прочел одну лекцию на английском языке (в Грэнд Сентрал Палас), и вторую на русском языке (в Тамани вале). Обе лекции имели колоссальный успех. Это было время, когда студенты Московского и Петроградского университетов объявили забастовку, в наказание за которую все виновники были зачислены в солдаты. После этого, студент Карпович выстрелил в министра просвещения — Боголепова, который, спустя несколько дней, умер. Карпович, конечно, был отправлен в Сибирь на каторжные работы.

Тов. Кропоткин написал тогда две статьи по этому делу.

Первая статья «Россия и студенческие беспорядки» была напечатана в английский журнал «Аутлук» от 6-го апреля 1901 года, а вторая «Современный кризис в России» в журнале «Норт Американ Ревью», за май 1901 г.

Победоносцев, обер-прокурор святейшего синода, написал Кропоткину ответ в вежливой форме, в котором говорил, что Кропоткин находится на очень далеком расстоянии от России, а поэтому не знает настоящего положения дел.

В ответ на статью Победоносцева, Кропоткин ответил следующее: «за географические знания, которыми обладаете вы, Победоносцев, гимназист второго класса по лучил бы единицу».

Дж. РУДАШ.

(Перевод с английского «Ман»).

БИБЛИОГРАФИЯ

М. ЧЕТТЛАУ. Цели и методы анархизма. Детройт, Мич. Издание Федерации Рабочих Союзов Безвластных. 1934 г. 48 страниц. Цена 10 центов.

Эта небольшая брошюра написана известным анархистом - историком и популяризатором анархического учения. В краткой форме М. Неттлау излагает анархическое учение, разбирая теории известных анархистов — Э. Малатеста, Моста. Бакунина и других.

Особое внимание автор уделяет трудам П. Кропоткина — основоположника научного анархизма. Он, как известно, предвидел роковые последствия торжества марксистских идей, и все время предупреждал трудящихся России, Германии, Австрии, Испании, Франции и других стран против марксистской диктатуры пролетариата.

События в России и в Европе обнаружили полное банкротство марксистской идеологии, на практике сводящейся к властвованию над пролетариатом и установлению государственного крепостничества и рабства.

М. Неттлау в своей брошюре показы-

вает, как Кропоткин и другие анархисты все время боролись против марксистского обмана, но не могли предотвратить его вследствие смутного знакомства народных масс с анархическим учением, указывающим верный путь к свободе и экономическому равенству.

Брошюра М. Неттлау вскрывает фальшь государственных теорий, неизменно приводящих к закабалению, а не раскрепощению трудящихся. Автор дает хорошее определение анархизма:

«Анархизм не является выгодным делом и не дает тех обещаний, какие дают партии во время выборов. Это — идея честных людей, которые не хотят господства над другими, ни над собой».

В брошюре имеются ценные указания, как вести анархическую пропаганду, чтобы она имела успех. Брошюра заслуживает широкого распространения среди рабочих масс.

Д. Г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Конференции Русских Рабочих Организаций штата Коннектикут, состоявшейся 9-го декабря 1934 года в гор. Гартфорде.

На конференции присутствовало 8 делегатов. Гартфорд — 2, Нью Бритэйн — 2, Нью Хэйвен — 2, Мерилен — 1 и Ватербури — 1.

Был заслушан следующий порядок дня:

1. Доклад с мест,
1. Чтение корреспонденций,
3. Отчет штатного Секретаря,
4. Об оживлении и усилении деятельности штатной Федерации,
5. О раз'ездном лекторе,
6. О литературе,
7. О созыве объединенной Конференции групп «Дело Труда» и «Пробуждения»,
8. Выбор штатного Секретаря.

Из докладов с мест выяснилось, что в каждом городе распространяется «Д.Т.» и «П.», имеется много симпатизирующих и предвидится успех намеченных к устройству лекций: Нью Британская группа имеет свой клуб совместно с итальянцами. Все группы высказывались за объединение и слияние двух однородных органов — «Дело Труда» и «Пробуждение» — в один авархо - коммунистический орган.

Были прочитаны приветственные письма из Ансонии и Бриджпорта, а также письмо от Прогрессивного О-ва гор. Гартфорда, в котором оно сообщало, что не посылал на Конференцию делегатов, решило передать имеющуюся у них литературу конференции.

Штатный секретарь доложил, что за неимением адресов трудно было налаживать связи, несмотря на это, работа все же подвигается вперед к объединению рабочих безвластных организаций шт. Коннектикут. Для образования штатного фонда, согласно решению предыдущей Конференции, были выпущены розыгрышные билеты и разыграны рекомендованные конференцией вещи. От продажи билетов приход получился следующий: Нью Хэйвен — 20 долл., Ватербури — 13 долл., Бриджпорт — 7.70 с., Ансония — 6 долл., Гартфорд — 4.90 с., Сеймор — 4 долл.,

Нью Бритэйн — 3.90 с. и Нью Йорк — 12 долл., а всего — 70 дол. 80 сентов. По 9 декабря были произведены следующие расходы: уплачено за печатание билетов — 3.75, за печать штатной Федерации — 1.60 и почтовые расходы — 13.78; призы же обошлись в 11.79 с. Всего израсходовано 30.92 с. Имеется на руках у штатного секретаря — 39.88 с. Розыгрыш состоялся в Нью Хэйвене 17 ноября 1934 года на балу группы Русских Рабочих. Первый приз пал на № 827, второй — на № 6 и третий — на № 948. Все призы вручены по принадлежности. Доклад секретаря был принят к сведению, а имеющиеся средства решено употреблять на организационные нужды штатной Федерации.

По вопросу об оживлении и усилении деятельности нашей Федерации решено устраивать почаще лекции и доклады, вступать в имеющиеся массовые организации и взаимная поддержка друг друга группами.

О раз'ездном лекторе: Конференция решила устроить не менее 14 лекций Максимов, выехавшего из Чикаго в турне по Америке.

О литературе: выяснилось, что, вследствие халатного отношения товарищей, у которых находится федеративная литература, списки книг не составлены. Поэтому Конференция поручила секретарю обратиться к товарищам, имеющим федеративную литературу, с просьбой составить списки книг и сообщить их штатному секретарю. Конференция решила также забрать от Прогрессивного О-ва гор. Гартфорда имеющуюся у него федеративную литературу и распространять ее по пониженным ценам на своих лекциях, докладах и предприятнях.

О созыве объединенной Конференции групп «Дело Труда» и «Пробуждение»: Согласно решению групп на местах, все делегаты высказывались за объединение. При этом указывалось на то, что между обоими

журналами нет идейного расхождения и что при скудости средств и слабости движения нет смысла издавать два одно родных журнала для одних и тех же читателей. Конференция настаивает на устранении несущественных (постороннего, а не идеологического характера) причин к объединению и рекомендует созвать поскорее объединенную Конференцию групп «Д. Т.» и «П.». При этом Конференция предлагает будущей Обединенной Конференции ликвидировать оба журнала и совместно выработать название одного нового органа, а также избрать на Конференции новую Редакционную Коллегию, в которую вошли бы представители с обеих сторон; издание нового журнала перенести в восточные штаты; направление его должно

быть анархо - коммунистическим. От Федерации штата Коннектикут Конференция избрала одного делегата на будущую объединенную Конференцию, при чем независимо от федеративного делегата — каждая группа может послать своих делегатов на совместную Обединенную Конференцию, но на свои средства.

До следующей очередной конференции секретарем переизбран г. Б.

Наконец, было решено — поручить штатному секретарю организовать лекционный тур и напечатать летучки для тех городов, в которых будут читаться лекции, а также отпечатать резолюции Конференции и разослать их по группам.

СЕКРЕТАРЬ.

«Записки революционера»

В конце 1933 года известные «Записки революционера» знаменитого анархиста и ученого П. А. Кропоткина опять переизданы. На этот раз «Записки» изданы Советской Академией. Это уже 11-е издание на русском языке.

В последнее издание вошли некоторые новые материалы, найденные в архиве П. А. Кропоткина. Книга большого формата, на хорошей бумаге, в роскошном переплете, и содержит в себе 374 страницы убористого шрифта.

В книге много иллюстраций и собственных рисунков П. А. Кропоткина, хранящихся в архиве Музея П. А. Кропоткина в Москве. Количество экземпляров ограничено.

В книге имеется длинное предисловие большевистского «цензора» П. П. Парадизова, написанное, как видно, с целью очертить автора и отвлечь внимание читателей от анархических идей, которые были и продолжают оставаться притягательной силой для всех трудящихся — рабочих, крестьян и передовой интеллигенции.

В книге имеется другое краткое предисловие, написанное Н. К. Лебедевым, постыдным секретарем Музея П. А. Кропоткина, умершем в прошлом году в Мо-

ске.

Н. К. Лебедев был одним из организаторов Музея П. А. Кропоткина, много энергии и труда положил над тем, чтобы собрать материалы для Музея, и привести в порядок массу картин и рисунков к «Запискам», выпущенным под его заботливым редакторским наблюдением.

Все что пишет Н. К. Лебедев о «Записках» в своем предисловии:

«Записки революционера» П. А. Кропоткина принадлежат к классическим произведениям не только русской, но и мировой литературы. Впервые они появились в печати на английском языке и были затем переведены на французский, русский, немецкий, итальянский, испанский, шведский, норвежский, датский, болгарский и еврейский языки.

«Во Франции издание 1921 года помечено 19-ым, в Англии вышло 6-ым изданием, в Германии — 7-ым, в Испании — третьим.

«На русском языке, кроме первого, заграничного издания, вышедшего в 1902 году, в России вышло 7 полных изданий и два сокращенных. Первые пять изданий, вышедших в России, представляют перевод с английского языка. В пос-

тельные два издания (издание «Недра» 1925 года и издание «Каторга и ссылка» 1920 г.) были внесены некоторые дополнения из первоначальных рукописей, написанных по-русски. После выхода этих изданий в архиве П. А., привезенном из Англии, оказались рукописи «Записок революционера» на русском языке. Сверял печатный текст прежних изданий с этими рукописями, я нашел, что в первоначальный печатный текст П. А. не включено много эпизодов своей жизни. В виду этого, для настоящего издания я решил использовать черновые русские рукописи «Записок революционера» и заменить переводный текст прежних изданий подлинным русским текстом самого П. А.

Таким образом настоящее издание представляет первое издание «Записок революционера» на русском языке, куда вошли, за очень немногими исключениями, почти весь текст «Записок революционера», написанных П. А. по-русски, и впервые знакомит читателя с подлинным стилем автора. Издание иллюстрировано снимками с рисунков П. А. Кропоткина, оригиналы которых находятся в Кропоткинском музее в Москве. Это большей частью лишь наброски и эскизы карандашом, но они придают лишний штрих к образу Кропоткина.

Если нужно, чтонибудь добавить к сказанному выше, то это — рекомендовать читателю прочитать эту в высшей степени интересную и замечательную книгу маститого революционера и знаменитого ученого. Книга эта читается с захватывающим интересом.

«Записки революционера» — зеркало жизни и деятельности П. А. Кропоткина. В ней, как на экране, читатель увидит, как шла и протекала жизнь П. А. с самого раннего возраста, как она выкристаллизовалась и во что вылилась впоследствии.

Москва, 1934 г.

Д. Г.

ЦЕННАЯ КНИГА

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга П. А. Кропоткина «Записки революционера». 11-е издание, дополненное, с портретом автора, с иллюстрациями и рисунками. Книга большого формата, издана на хорошей бумаге, в красивом переплете и с золотыми оттисками. Имеется ограниченное количество. Цена с пересылкой — 3.50.

Обращайтесь по адресу:

“PROBUZDENIE”

9219 Russell St.,

Detroit, Mich.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

ПИСЬМО С КУБЫ

Анархическое движение на острове Кубе преследовалось и преследуется. Соображения разговляются полицией, солдатами, а частенько и партийными хулиганами. Правительство Мачадо убивало передовых анархистов в ленино- сталинском ударном порядке.

Пало правительство Мачадо. Его шайка, обезбравшая страну до ниточки, улетела в соседнее государство. На смену одним бандитам пришли другие, орошающие сахарные плантации человеческой кровью. Свободы здесь нет. Страна на военном положении. Свистят пули. Обьески, аресты, набеги, погромы и разгромы на каждом шагу.

В январе текущего года была разгромлена Кубинская Федерация анархических групп. Поломали столы, шкафы, стулья и все, что было в помещении. Такая же участь постигла редакцию и типографию анархической газеты. Многих арестовали. И такие разгромы повторяются изо дня в день.

Несмотря на все эти гонения, анархическое движение на Кубе пустило глубокие корни. До разгрома Федерации здесь издавались три безвластных газет: «Тьерра», «Нуэстра Полабра» и «Нисуре кит». Приходится прятаться и действовать из подполья.

Р. Дмитрий.

СМЕРТЬ Н. К. ЛЕБЕДЕВА

9-го августа 1934 г. в Москве умер Николай Константинович Лебедев, секретарь Кропоткинского Музея и редактор по смертным изданиям произведений П. А. Кропоткина. Так, при его содействии и под его редакцией вышли в свет «Этика», «Переписка братьев Кропоткиных» и полное издание «Записок Революционера».

Примыкая к «Союзу Анархо-Синдикалистов», принимал близкое участие в издании «Голос Труда», где изданы две книги «Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель» и «К. Истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся».

Также под его редакцией там-же вышло «Свободное Трудовое Воспитание». Автор многих популярных научных трудов «Завоевание земли» и др. Переводчик «Человек и Земля», капитального труда Элизе Реклю. В 1907 г. вышла его первая книга в сотрудничестве с его женой, Критской «История синдикального движения во Франции» с предисловием Э. Пуже.

Учился в Париже — Высшая Русская Школа Ковалевского и Колледж де Френс в Брюсселе, в Свободном университете, основанном Реклю.

**

РОЗЫГРЫШ КНИГИ В ПОЛЬЗУ
«ПРОБУЖДЕНИЯ»

Филадельфийская группа «Пробуждения» разыграла книгу Д. Н. Овсянникова-Куликовского «История Русской Литературы». Выиграл книгу тов. Н. Грин. Было продано 400 билетов по 10 центов / на сумму 40 долларов. Расход — печатные билетов 2 д. 50 сен., почтовые расходы — всего 3 дол. 85 сен. Прибыль в 36 д. 15 сен. выслана на имя секретаря «Пробуждения».

В розыгрыше приняли участие, кроме Филадельфии, следующие города: Нью-Йорк, Балтимор, Мл., Детройт, Мич., Нью-Гестл, Пен., Мериден, Конн. и Гартфорд, Конн.

Филадельфийская группа «Пробуждения» выражает сердечную благодарность

всем товарищам, которые приняли участие в розыгрыше книги и тем способствовали материальной поддержке журналу, стоящему на страже безвластнических идей.

С тов. приветом

Группа «Пробуждение».

КНИГИ НА СКЛАДЕ «ПРОБУЖДЕНИЯ»

Д. ГИЛЬОМ — Интернационал	50 с.
Д. ГИЛЬОМ — Карл Маркс и Интернационал	10 с.
М. НЕТТЛАУ — Жизнь и деятельность М. Бакунина	10 с.
М. НЕТТЛАУ — Цели и методы анархизма	10 с.
Ж. ГРАВ — Умирающее общество и Анархия	25 с.
Ж. ГРАВ — Синдикализм в общественном развитии	05 с.
А. КАРЕЛИН — Смертная казнь	10 с.
А. КАРЕЛИН — Новое краткое изложение политической экономии	25 с.
НОВОМИРСКИЙ — Из программы синдикального анархизма	25 с.
Э. МАЛАТЕСТА — Крестьянские речи	10 с.
Э. Реклю — Избранные сочинения	25 с.
ПЕСНИ ТРУДА. — Сборник революционных песен и стихов	10 с.
Э. ПУЖЕ — Основы синдикализма	15 с.
П. РОВЭН, Ф. Ньювенгус — Свободное трудовое воспитание	15 с.
М. КОРН — Революционный синдикализм и анархизм	10 с.
Н. ЛЕБЕДЕВ — Э. Реклю, как человек, ученый и мыслитель	10 с.
А. БОРОВОЙ — Личность и общество в анархическое мировоззрение	10 с.
Э. ПАТО и Э. ПУЖЕ — Как мы совершим революцию	25 с.
Р. Р-СКИЙ — Ф. Феррер и его новая школа	15 с.
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и анархизм. Доклады и заключения 1906 г.	10 с.
Дж. БАРРЭТТ — Анархическая Революция	05 с.
- В книжном складе Федерации Рабочих Союзов Безвластников есть много других книг и брошюр. Заказы направляйте по адресу: «Пробуждения».

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”
9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.